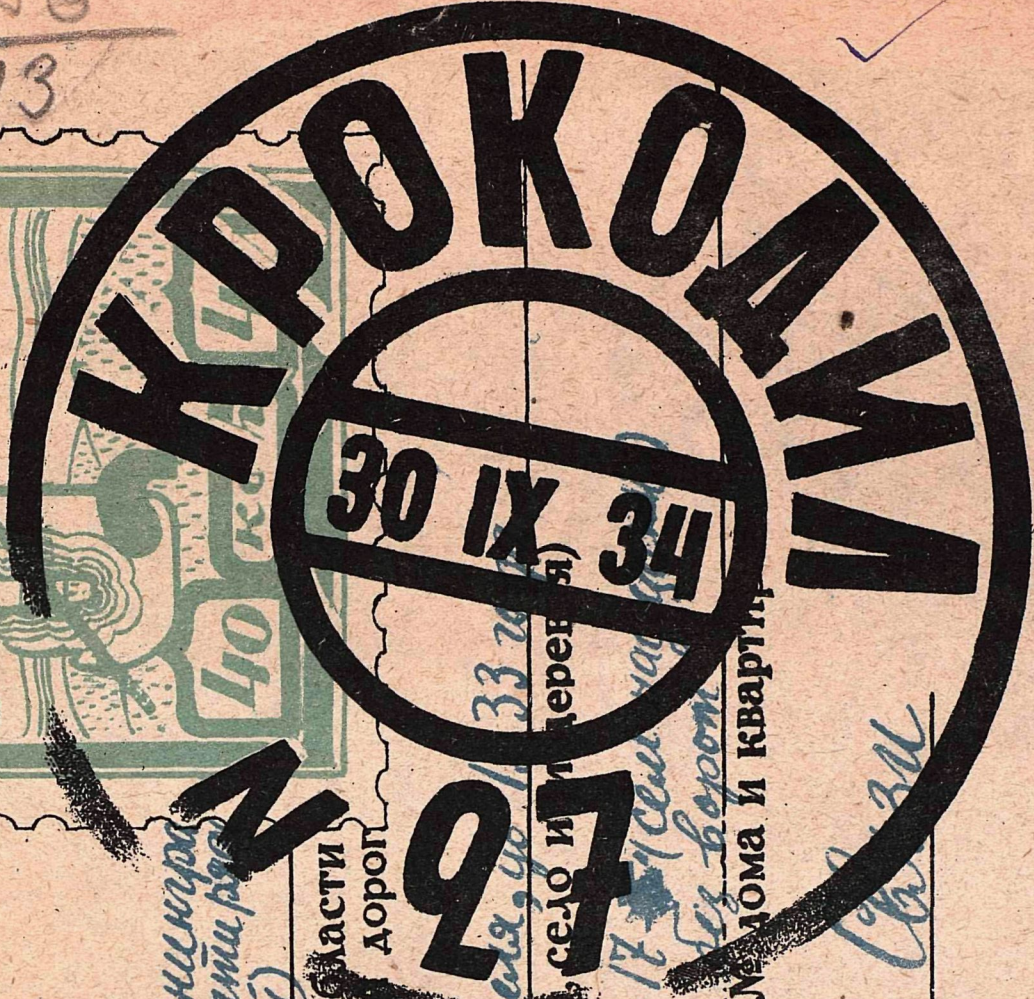

За ненаходящим
адресата номер
направляется
подписка

Куда: *Сосновка* (между Ленинградом и Турой, пограничная с Клязьмой)

(наименование места, где находится почта, области а для станций — наименование железной дороги)

Ул. Горького (писатель, ул. Горького, село и деревня) называлась Тверской (район, село и деревня) дом (каменный, бродяжка и 17-й сел. на против аптеки, шашлычной и двора. Без ворот (улица Милома и квартал)

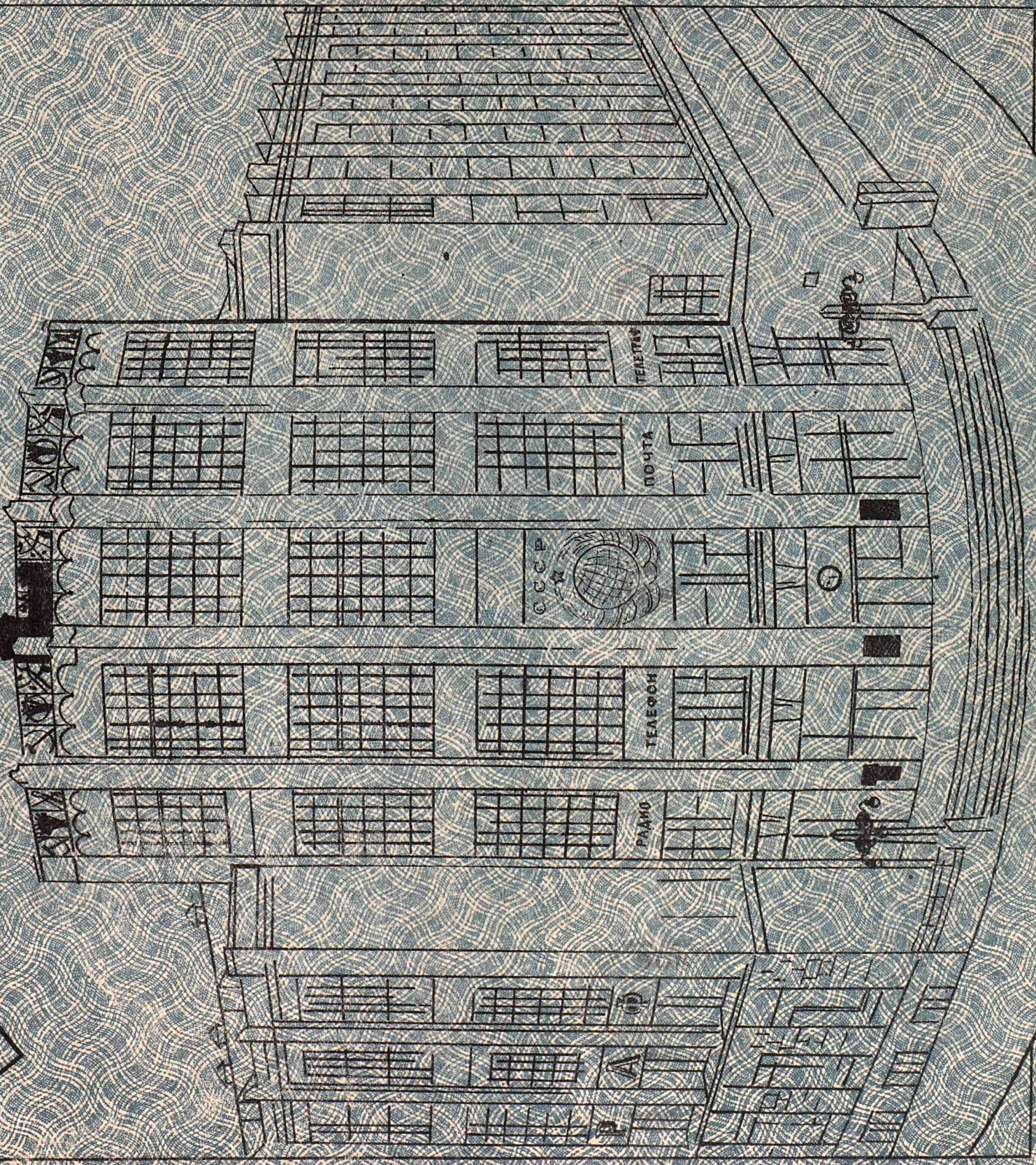
Кому: *Народному Комиссариату* (подробное наименование адресата)

(прямо по коридору, а потом налево, где сидит много людей)

Адрес отправителя *От редакции журнала „Крокодил“ (зверь) улица Горького (тот же писатель) д. №48 (между сорок шестым и пятидесятым).*

К.Р.З.

ЭТО ПОЛНОСТЬЮ ПЕРИМЕТР ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА
НА ПРОВЕДЕНИЕ РАБОТ ПО ПРОЕКТИРОВАНИЮ И
СТРОИТЕЛЬСТВУ ДОЛГОЙ ЯЩИКОВОЙ КОМНАТЫ
В РАЙОНЕ ПУШКИНО, МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Редакция предлагает вниманию читателей образцы почтовых марок, приуроченных к различным событиям европейской политики. Марки изготовлены в редакции «Крокодила» и охотно будут уступлены нами почтовым ведомствам соответствующих стран.

Марки Ю. Ганфа

Марка, посвященная предстоящему саарскому плебисциту и основная как на несколько устаревшей сказке о Красной шапочке и сером волке, так и на последних газетных свещениях о разрывании германских фашистов с саарским населением.

Вас зовут Александр Иванович, и вы не любите старых анекдотов. Так и условимся. Вы не любите рассказов о кучке, который требовал за привенник кусок канарейки. О счетоводе, которму в трамвае наступили на ухо. О старушке, проглотившей жабу. И даже о пьяной собаке, которая ругалась басом.

Но больше всего вы не любите почтово-телеграфных анекдотов. И правильно делаете, Александр Иванович. Не займите это для культурного человека. Не для того же, в конце концов, Морзе сконструировал телеграфный аппарат, чтобы советскому гражданину кто-то, хихикая, бубнил в ухо о том, как заспанная телеграфистка заменила ворону коро-вой.

Но допустим, дорогой Александр Иванович, что живете вы не в Москве (Мясницкая, 17, во дворе налево, звонить три раза), а в Верещагине, Свердловской области.

Идете вы в красивых шевитовых брюках по скромной территории Верещагина, чувствуете себя не последним человеком в местном сельском хозяйстве, наслаждаетесь птичками и покоем, и вдруг вам подают телеграмму:

„ПОСЕВНАЯ, СЕМЕНА МАРКОВИЧА ШЛИТЕ ПОЧТОВОЙ ПОСЫЛКОЙ ТОЧКА“.

Вот и коней вашему покою... И коней птичкам. И даже красивые брюки перестают радовать. А сельское хозяйство заволанивается тревожным туманом.

— У меня нет Семена Марковича, — робко говорите вы неведомому адресату из соседних Очер,— я не посылаю Семенов Марковичей в посылаках. Может быть, они женатые и у них бо-роды, как же их совать в посылаки?

И вот вы, Александр Иванович, начинаете бегать по Верещагину. Территория его становится нестерпимо широкой. И ни в одном конце ее вам не могут объяснить, как найти специальный Семена Марковича для посылаки. И когда вы уже окончательно решаете лучше отказаться от сельского хозяйства и перейти непосредственно на животноводство, вам немедленно передают дру-гую телеграмму из тех же соседствующих Очер:

„ОТГРУЖАЕМ 14 ТЫСЯЧ КОЗ“.

И только утром вы успокаиваетесь, когда вам приносит правильные тексты телеграмм. Из них вы узнаете, что в посылаке следует послать не обремененного Семена Марковича, а семена мор-кови. И что лавина козких копыт и хвостов не движется на вас, а просто вам предстоит принять партию из четырнадцати тысяч сельскохозяй-ственных коз.

Вы вздохнули свободно. Мир вам слова кажет-ся прекрасным, а шевитовые брюки — одной из его чудеснейших частей. И только в глазах у вас пойманым воробьем бьется некоторая пугли-вость.

Но мы — авторы, дорогой Александр Ивано-

вич. Вы же — наш герой, подлинный живой че-ловец трудовых будней, и мы с вами делаем, что хотим. Легкими, как сон, перстами мы вас из-влекаем из Верещагина и осторожно сажаем за стол в редакции газеты «За уголь» в Шахтин-ском районе, Азово-Черноморского края. Вам нужно делать газету.

Вы, допустим, ее секретарь. Вам нужна срочная иностранная информация. И вот перед вами тс-совская телеграмма о пребывании наших летчиков в Париже:

„ГЛАВА ПАРИЖНОГО ГОРОДНОМА ТИРРИО ПРЕДЛОЖИЛА ЛЕТЧИКАМ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ЗАВТРАНИ“.

Вот вы и секретарь газеты. Вот вы и молодые, и хотите быть минимум Белинским в своем рай-оне, и вас любит Варя, а что делает? У кого спрашивается, давно ли в Париже существует го-родком, и ниже это ихнего созвонькома или вы-ше. И если допустить, что Тиррио это Эррио, то почему он — она, раз она — голова и пред-ложкила завтраки...

И сидите вы, проклиная творческое перо, и кажется вам, что Варя вас уже не любит. И что вы будете Пильняком, а не Белинским. И телеграф вам представляется в виде большой ржа-вой мышеловки, в которой бьется одинокий тру-дящийся...

Но вот вы уже не секретарь газеты «За уголь». Посидели — и будет. Нельзя долго заскииваться на одном месте. Вы, дорогой Александр Ивано-вич, уже заведуете Чебоксарским музтехникумом. Перед вами раскрыты все тайники музыкальной техники. Вы знаете, для чего у рояля педаль и что такое модератто. Вы знаете все. И вы знаете, что по вашему совету покупают пианно вместо скрипки и играют на ударных инструментах в джазе вместо сольного выступления на баяне. И в тот момент, когда на приеме матери вручают вам своих подающих надежды первенцов, на ва-шем столе зияет роковая телеграмма:

„НУЖЕН ХОРОШИЙ КОНТРАБАНДИСТ ШЛИТЕ СОГЛАСИЕ“.

И вот вас нет в Чебоксарах. Собственно говоря, вы еще есть, но морально вы уже другой. На вас уже смотрят недоверчиво и сухо, с точки зре-ния, сколько на вашем животе поместится кон-трабандного шелака, какие у вас тайники в под-метках и сколько каратов вы можете пронести в ухе. И даже удивляются, почему милиция по-зволяет появляться днем на главных улицах та-ким лицам.

И это не мы вам устроили пакость, дорогой Але-ксандр Иванович. Это вам местный телеграф предложил озаботиться принятием контрабан-диста вместо контрабасиста.

Больше того: мы вас не покидаем в эти ми-нуты опасности.

Вы уже не зав. музтехникумом. С нашего раз-решения вы швыряетесь местами и положениями.

Марка, посвященная итало-германской радиосвязи. Выпущена к месяча-ному юбилею первого непререма итальянскими станциями германской радиоинформации.

как молодой герцог. Вы уже преподаватель гео-графии в Западной Сибири. Любимый ученика-ми, ласкаемый теперсоналом и благословляемый родителями, вы читаете лекцию о знойном Ал-жире.

— А где это? — робко спрашивает вас ти-хий славный мальчуган с первой парты.

— Алжир? — перестрашиваете вы с доброй улыбкой. — Представьте себе безбрежные пу-стыни Африки, представьте себе караван вели-чественных верблюдов и...

— Зачем, зачем вы нас обманываете? — на-чинает плакать крупными слезами тихий мальчик с первой парты и протягивает вам перечисление телеграфных пунктов СССР, разосланное Запад-носibirским краевым управлением связи.

На второй строчке сверху там значится:

„АЛЖИРСНАЯ АССР“.

Вы смотрите на тихого мальчика, вы подни-маете ваше пылающее лицо и... Но в этот момент появляется мы. Александр Иванович, — ваши создатели и хранители. Мы вводим вас из шум-ного класса и делаем вас ответственным сажа-щим Себежского отдела Зерноуправления. И, ободоряюще похлопав по плечу, с чисто педагоги-ческой целью предлагаем вам немедленно отве-тить на такое требование со стороны Новосоко-льникой группы совхозов:

ТЕЛЕГРАФЬТЕ СЕГОДНЯ ВОЗМОЖНОСТИ НАР-ТОШКИ ДЛЯ ДВУХ ИНЖЕНЕРОВСКИХ БАЛОВ“.

Вы, как в переводных романах, подходи-те к оконному стеклу и задумчиво смотрите в го-лубое небо. Вы не знаете, почему совхозы устраи-вают балы для инженеров и почему именно на этих балах инженеры не могут обойтись без картошки. И небо молчит, как обиженный кон-дуктор. И не откроет оно вам, Александр Ива-нович, что это телеграф вам подсунул картошку вместо обточки и инженеровские балы, вместо ин-женерских валаов.

И хорошо еще, что вы только зерноуправленец. А что если бы вы были общественным работни-ком на заводе «Динамо» и попросили бы Ко-ломенский завод починить испорченный скат? И перед вами положили бы такую ответную теле-грамму:

„СРОЧНОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ СКОТА ОБЕСПЕ-ЧЕНО. УСКОРЬТЕ ВЫСЫЛКУ БОЛЬНОГО СКОТА“.

Вот вы уже не смеетесь, Александр Иванович? Вы смотрите на нас тоскующими синими глаза-ми и просите:

— Отпустите меня на волю. На Мясницкую, 17. Во дворе налево, звонить три раза.

И мы вас отпускаем, Александр Иванович. Жи-вите спокойно. Но когда вам будут рассказывать о телеграфе, не кричите и не ворчите: а, ста-рые анекдоты! Нет, Александр Иванович, это не анекдот, а действительность. И довольно скверная. И, к сожалению, — совсем не старая... АРК. БУХОВ

НЕ СЧЕСТЬ АЛМАЗОВ В КАМЕННЫХ ПЕЩЕРАХ...

Мы будем говорить о невероятном, но все же с документами. Поэтому читателям должны нам простить полную неожиданность некоторых сравнений, предположений и разрешить широкую свободу ничем не сдерживаемой тревоги.

Представьте себе, что вы выходите на улицу и обращаетесь к ближайшему извозчику с утиным, но настоятельным предложением:

— Извозчик! В стратосферу и там подождать! Сколько?

Вряд ли даже самый неосторожный и плохо подготовленный извозчик ответит охотно и с полной готовностью:

— Извольте, гражданин, — пятидесять.

Не ответит так сознательный работник городской конной тяги. Не ответит так скромный труженик кнута и вожжей. И только с легкой грустью посмотрит он, как отгоняет его тигровая свля хвостом надоедливых мух, и скажет голосом, полным укора и гражданской грусти:

— Днем напиваются, черти скользкие!.. А еще с порфелами!..

Но нет этой деловитой, мы бы сказали, энциклопедической мудрости и знания окружающего у некоторых работников связи в Горьковском районе.

Законна

Куда: 2 Стратосферовск

Бывшебухтинской области

Звездного района

Заводско-лесному

Кому: Нечу Приимковичу

Адрес отправителя: 2. Нахимов март

Ул. Подпийный, квартира 704

Ул. Светотель

В Кулебаках местным почтовым отделением принято, заштемпелевано и отослано дальше заказное письмо со следующими адресом:

Трудно проследить весь путь этого письма. Простемпелеванное и зарегистрированное, мрачно искало оно дорогу в город Лунатиков по предложению его отправителя И. И. Гладнуба, не вымывая ни в ком подозрений. И только где-то в месте для нас неведомом встретилось оно с еще более горемычным письмом, тоже заказным и тоже бестрепетно пустившимся в путь-дорогу в простемпелеванном виде из города Выжмы с адресом, который легко прочтется вами на конверте, помещенном сверху справа.

Но что там — город Стратосферовск! Что там — странный корреспондент Нечу Приимкович! Это только тени на мраморной стене, как сказал в свое время поэт Фердуси. Настоящие горизонты открылись перед работниками связи в г. Такалнске, которые приняли письмо с адресом, прямо вопиющим к мировозданию. Этот адрес во всей его чудесной неприкосновенности мы приводим на конверте, помещенном внизу справа.

Но не на всякий город так легко поймаешь бдительность солидного почтово-телеграфного отделения. Ну там Луна, ну Стратосферовск, — это еще туда-сюда, но на город Рымбинск, например, его не поймаешь.

ТАГАНСКОЙ АТС ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Дорогая Таганская подстанция, Разрешите представиться.

Имею честь.

Мой номер был и, надеюсь, останется — Таганка — один-девять-три-шесть-шесть.

В отношениях с тобой я точность люблю, Делаю все, что делать обязан,

Не ставлю тайных розеток

И шлю

Свой взнос поквартальный жироприказом.

За сие не нужна мне, конечно, медаль,

И причина письма совершенно иная.

Я — поэт.

Этот факт безусловно — деталь,

Но о ней я недаром упоминаю.

Постараюсь быть возможно-короче

И письма не развешивать по железкам!

За плохое манерное поведение вкратце!

Моему никто, никогда ни черта не платил.

Чтоб читателю честно смотреть в глаза,

НЕ змы, поэты, свой брак подвергаем абарту.

И гонорар получаем лишь за Оброк а ч е с т в е н н у ю работу.

Почему ж я тебе эти деньги плачу

За работу весьма разгильдяйского рода?

Почему ты, подобно палачу,

Из меня тянешь жилы уже помолода?

Почему ты валкаешь дурака

И рычать заставляешь меня надрывно?

Почему-то по часу я жду гудка,

То часами слышу гудок бесперывный,

Частый ты даешь моим друзьям

Когда аппарат мой свободен и сам

Я жду их звонка у телефона?

Почему ежедневно часов на пять

Ты вообще выключаешься, словно оглохла,

Почему, повторяю опять и опять,

Ты работаешь так беспардонно плохо?

Я бы мог на тебя подать в нарсуд,

Подсчитав при свидетелях, быстро и мрачно,

Сколько дней, часов и минут

Законна

Куда: 2. Стратосферовск

Стратосферной области

Ул. м. Вольский 21/10

Рыбинску

стару Вексельникову

Адрес отправителя: 2. Иммануил

Ул. Вирманов Ст. 2.1. Звездуба

Сашком уж явно. И для того чтобы не быть гололовным, приводим текстуально следующее сообщение нашего корреспондента:

«20 августа сего года из лагеря 2, Таттлевского района, Саратовского края, была отправлена телеграмма № 64 в Рыбинск. 21/VIII на эту телеграмму получена из Москвы служебная телеграмма № 184/с, в которой сообщается: «Ваша телеграмма № 64 от 20/VIII Рыбинск Заводской аннулирована за неизменным указанным места назначения (г. Рыбинск!) в списке телеграфных предприятий связи».

Мы обещали говорить о невероятном и просили разрешения делать неожиданные предположения.

Граждане, если вы заинтересованы в аккуратности почтово-телеграфных сношений, переезжайте в г. Луна или, в крайнем случае, в Стратосферовск. Не в Рыбинске же жить, которого не существует... ТЧК.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

Куда: 4197

Тор. Луна

Кабанья Крэн Сашину

Зинич - 24

Кому: Генри Марсову

Сергубову

Адрес отправителя: 15. Мезгов.

412

НЕ СЧЕСТЬ АЛМАЗОВ В КАМЕННЫХ ПЕЩЕРАХ...

НИКОЛАЙ АДУЕВ

ПОЧТОВЫЙ РОМАН

Много историй рассказывают о связи, но не меньше их выдумывают. Иной раз не отличишь правды от вымысла.

Рассказывают, например, с точным обозначением места и времени происшествия и с упоминанием действующих лиц такую историю:

Почтовый кассир Валерианова приняла телеграфный денежный перевод, выдала квитанцию, а когда клиент ушел, словачила, что ошибочно получила с него вместо 3 р. 80 коп. сбора 80 коп.

Недолго думая, Валерианова пишет клиенту: «Милостивый сударь, доплатите 3 рубля, иначе перевод не пойдет».

Записку вкладывает в конверт, приклеивает марку и опускает письмо в ящик. Проходит три дня, и клиент узнает вдруг, что телеграфный перевод еще на почте, что деньги не отправлены... Скандал, шум.

Валерианова оправдывалась тем, что деньги будто она отравила своевременно: «Я хотела вас только поугубить, а то болясь, что вы меня обманете и не уплатите 3 рубля».

Анекдот, однако, на этом не кончается. Здесь только он начинается. Когда начальство Валериановой выслушало приведенное объяснение, оно признало инцидент исчерпанным. Чего, мол, лучшего желать: и перевод цел, и кассир доволен, и клиент не должен быть в обиде...

Однако где обещанный роман? Читатель ждет объяснения заголовка, ибо пока что ничего романтического не было рассказано.

Роман случился в том же почтовом отделении, где работает Валерианова. В Красногвардейском почтовом отделении. Но приключился этот роман не с кассиром Валериановой, а с телеграфисткой Пис-

куновой. Точнее — даже не с Пискуновой, а с ее соседкой по квартире, служащей в нарпите. Тем не менее, история вполне почтовая и вполне телеграфная.

К Мусе — соседке Пискуновой — пришла любовь. Она пришла в Красногвардейск по служебной командировке, но решила заодно свидеться с Мусей.

На первых порах любовь была встречена, как полагается. Не скромно: были и поцелуи и слезы радости. Но через день-два выяснилось, что у любви есть жена, даже дети, кажется, что назад поворачивать поздно, и, естественно, возник вопрос, как долго может такая любовь засиживать-ся на квартире Мусей?

Любовь, однако, не торопилась.

Давно уже, судя по всему, закончены служебные дела, давно пора честь знать, а гость и не думает уезжать. Началась даже размолвка.

Тут-то на помощь пришла телеграфистка-соседка.

Любовь еще спала непробудным сном, как в комнату занесли телеграмму:

«Выезжай немедленно умирать».

— Жена! Умирает жена! О, несчастный! — вопил гость. — Что я надела!

Поезд в Тверь уходил через два часа. Через час любовь стояла уже с портфелем и с насмешливым чмоканьем у билетной кассы.

Но нет. Кто-то подходит сзади к гостю и осторожно постукивает по плечу.

— Гражданин, не покупайте билета. Есть деньги.

Удивленный гость отходит от кассы и узнает: жена в полном здравии, телеграмма подделана сосед-

седкой Мусе — Пискуновой. Можно, если угодно, возвращаться к Мусе...

Услужливый незнакомец — тоже телеграфист. Он в курсе всей истории, о ней знает все почтовое отделение, но как благодарный человек он не стерпел несправедливости. И он когда-то любил и не был любим!

— О, честный незнакомец! — воскликнула гость и обняла телеграфиста. **

В приведенной истории нет несколько выдумки. Этот анекдот, равно как и первые два, позаимствованы из «Ударника связи» — газеты Ленинградского областного профсоюза связи.

Но как уже было однажды сказано, и на сей раз «анекдот» начался только в тот момент, когда, казалось бы, он целиком исчерпался.

Оказывается, администрация красногвардейской почты, узнав, что тверской гость успокоился, тоже Мусе довольна. Теперь гость не вернется уже к Мусе на квартиру. Прощай, старая любовь!

Довольна также газета «Ударник связи». Записка о колхознике Смирнове, о кассире Валериановой и о телеграфистке Пискуновой озглавлена нежно: «Фокусники», причем газета с восторгом констатирует всеобщую радость и счастье по поводу столь мило закончившихся «проделок» работников почты.

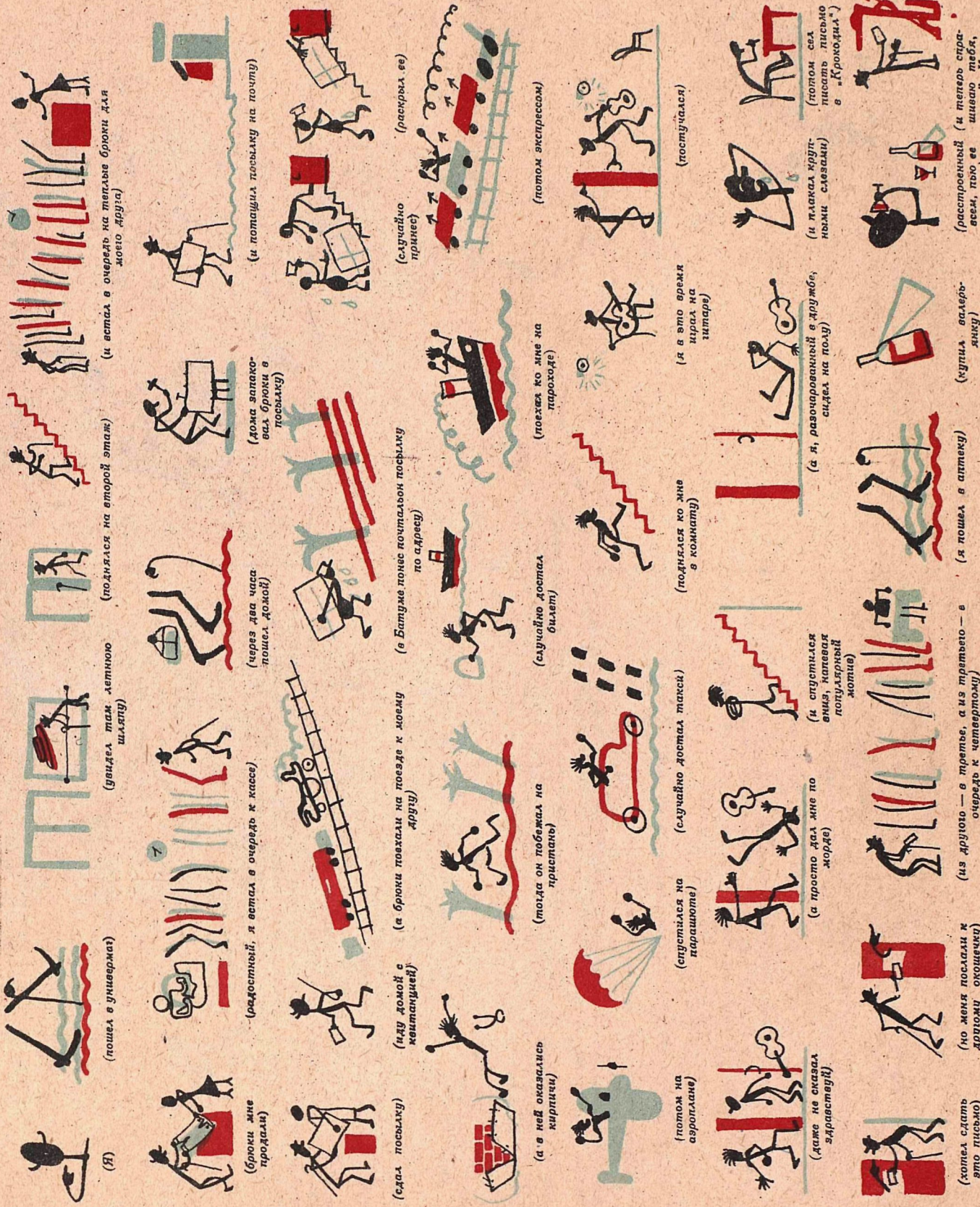
«Испуганный смертью жены, — заканчивает газета заметку о «Фокусниках», — гость уже собрался выезжать в Тверь, но благодаря своевременному вмешательству администрации, гость был успокоен».

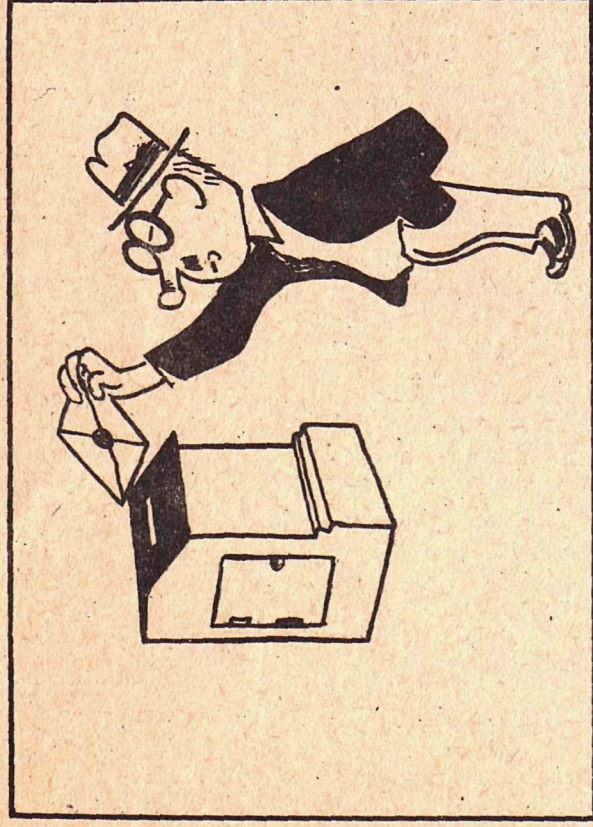
Как после этого отлечить правду от вымысла, анекдот — от был!

А. АГРАНОВСКИЙ

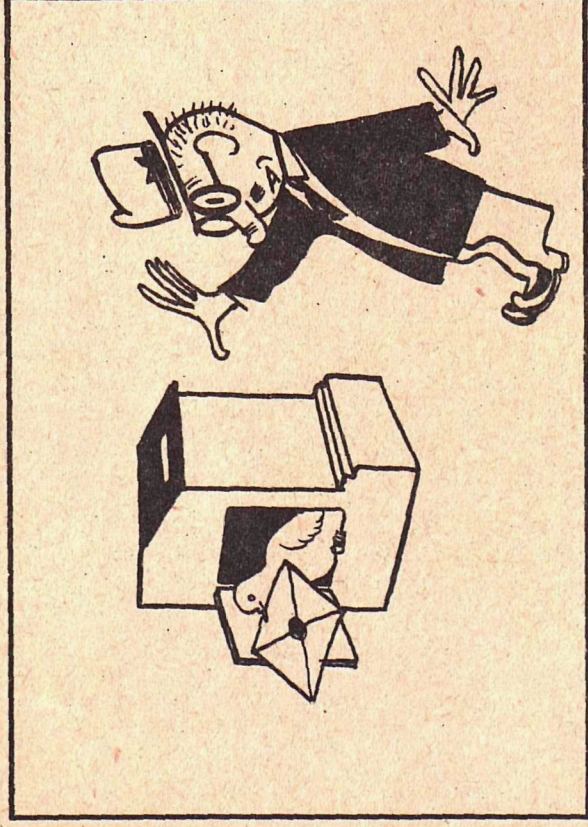
ПОТЕРЯННАЯ ДРУЖБА

Рис. К. РОТОВА, представляющий расшифровку одного из писем в редакции нормальным доисторическим стилем.

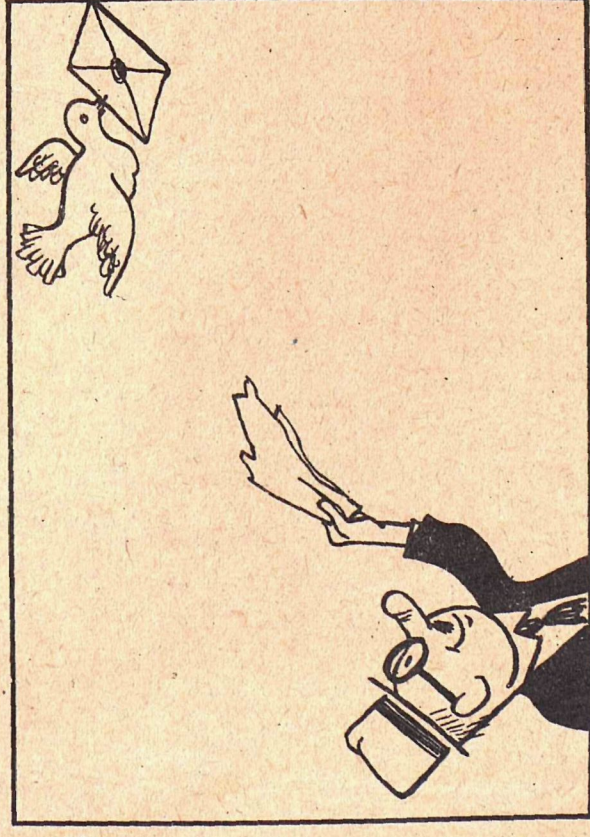

Просто...

Эффектно...

И с пользой для себя и Наркомсвязи.

ГРУСТНАЯ ИСПОВЕДЬ

— Как же это случилось? — спросила Олечка Олус. — Да не реви ты, рассказки толком...

Лидочка Шумякина всхлинула, вытерла глаза крохотным комочком носового платка и, путаясь, приступила к рассказу.

— Ну вот... Сначала все было очень удачно. Работала я сверхурочно и получала сразу 112 рублей. После выходного дня в автобусе встречаю Игоря Петровича. Ты знаешь его? Не знаешь, — высокий, интересный, сам инженер, спортсмен, холостой и вообще пре-е-елесть!..

— Да не реви ты, говори толком.

— Ну вот. Увидел он меня и говорит: «А-а-а, Лидочка, хорошо, что вас встретил. Наши шутники из месткома подсунули мне талон на шелк. А я, как вы знаете, скромный холостяк и в шелка обряжать мне некого. Так вот вы его возьмите и делайте с ним, что хотите».

Я стою, как дура, и не знаю, что ответить. А он уже мне сует в руки розовенкий талончик и свою книжку в какой-то очень закрытый, очень технический распределитель. Прибежала я туда, а там — толчея, шум, дав-ка. Выбрала я себе чудесный креп-де-шин: прозрачный, матовый, нежно-нежнозеленого цвета и с оборожительным рисунком. Бегу домой, ног под собой не чувствую. Волнуюсь ужасно: все-таки чем это обяснить, ведь у Игоря Петровича есть много знакомых, а вот он отдал талончик мне. И в автобусе тоже было много людей, а он — мне. Потом, прощаясь, он как-то особенно пожал мне руку и как-то совсем особенно сказал: «До свиданья, Лидочка». Ну все-таки, понимаеть, это неспроста. Прибежала домой, раз-вернула пакет, примерила перед зеркалом — очень шикарно, ну, просто прелесть, как шикарно.

Ну, думаю, как теперь его шить? Конечно платье вечернее. Нужно с отделкой или лучше без отделки, чтоб скромнее... Или еще лучше — верх с отделкой, а низ — без... А может, верх — без. В общем, всю ночь не спала, все думала: с рукавами не знаю как быть, и потом если открытое, то где больше открыто: на спине или не на спине...

Утром вскочила, побежала в киоски. Думаю, найду модный журнал, — выберу. Но в киосках журнала нет. Продавщица смеется и предлагает всякую ерунду, как на зло, а одна продавщица посетовствовала.

— Что вы, милая гражданочка, разве этот журнал укажит, с руками рвут... Возьмите вот «Вестник рыболова» — тоже интересно, а на «Моды» подищите на почте.

Прибежала я на почту еле живая. Времени ни минутки — на службу опаздываю, а у нас в Центротыкве строго, ну, в общем, подписалась — и к себе. Прибегаю, все уж на местах. Вошла, а они на меня косятся. Ладно, думаю, коснитесь, коснитесь, я вам покажу, допнете от зависти. Такого платья, как у меня, небось, у самой Аделаиды Павловны, личного секретаря товарища Бродло, и то нет. А уж на что она задавака. Придет на вечер в новом платье и думает, что она Зинаида Райк.

Ну вот. Через неделю прихожу домой, а у меня в дверной ручке журнал торчит. Свернут трубочкой. Развернула его — прелесть, мечта, т-е. ну просто, заболеть можно от красоты. Что там только не было: какие платья, жакеты, блузки!.. И вечерние шелковые, и для прогулок из клетчатой шотландки, и нарядные из шоколадной тафты.

Выбрала я себе фасон № 32. Изящно, скромно, а главное такого платья я ни у кого не видела: квадратный вырез, не очень длинное, рукава — вот тут клеш, а тут — вот так. Ну, думаю, наверное, самая новая модель из Парижа.

Шесть дней подряд я его шила. Перед выходным днем закончила. Надела его, посмотрела в зеркало — оборожительно. Ну совсем, как Марлен Дитрих или Голосева. А назавтра у нас коллективный просмотр в театре МОСПС. Такая пьеса — «Вздор». Ерунда в общем, но весело. Там одна женщина меняет комнату, потому что ее бросил муж и ей грустно. А другой ИТР ее любит, но она его не любит, а ее любит глухонемой, а потом он разговаривает, в общем, я тебе расскажу после...

Я знала, что Игорь Петрович будет в театре. Волновалась ужасно. Причесалась, надела платье новое, туфли серенькие, знаешь, те, с переполчили свет. Дали занавес, а я от волнения ничего не вижу и не слышу. Антракта жду. Он наступил как-то сразу, я даже приготовиться не успела. Друг сразу дали свет, и все пошли в фойе.

Я вышла и стала искать глазами. А кругом народу — тьма, ходят по кругу, как лошади в дирке. Меня даже зло взяло. Все ходят, а его нет. Вдруг, понимаеть ли ты, совершенно вдруг над самым ухом кто-то говорит: «Здравствуйте, Лидочка». Обернулась — он, а с ним...

— Да перестань ты реветь!.. Ведь слезами не можешь.

— Я не реву... Это я так... И с ним эта кривляка Аделаида Павловна. Понимаеть, с ним. Одеты как-то по-дурачки: в бледнорозовом длиннущем платье, с бубфами и тут вот металллическая пряжка. А главное, уви-дела меня и заявляет:

— Лидочка, какая вы миленькая сегодня, какой прелестьный креп-де-шин. Только, родная моя, теперь таких платьев не шьют. Теперь носят длинные и рукава — бубф. Только в прошлом году такие носили, а креп-де-шин хороший, жал!

Понимаеть, это пря нем-то она говорит такое. Хотела я ей сказать, хотела сказать что-нибудь такое... Но она цапнула его за руку и пошла.

Я так расстроилась, что и досматривать не хотела. После второго акта ушла домой. Чувствую, что она все это из зависти мне наговорила, а все-таки обидно.

И что бы ты думала? Прибежала домой, схватила журнал, смотрю на обложке написано:

«МОДЫ». ОСЕНЬ. 1932 ГОД.

Понимаеть, 1932 год. Па-а-а-нимаеть, три-три... тридцать второй.

— Лидочка, ну успокойся, ну выпей воды, да что ты, может, обидеться еще все... Ведь талончик-то он тебе дал все-таки.

— Мне-е-е!..

— И попрощался особенно.

Вы скажете, дорогой читатель, что это, моя, пустяки. Просто почта по ошибке прислала Лидочке прошлогодний журнал. Факт, не имеющий общественного значения.

Неверно, дорогой читатель, неверно и несправедливо. Особенно, если вспомнить, что Игорь Петрович молодой, холостой и вообще прелесть... А уж после этой истории, — сами понимаете!..

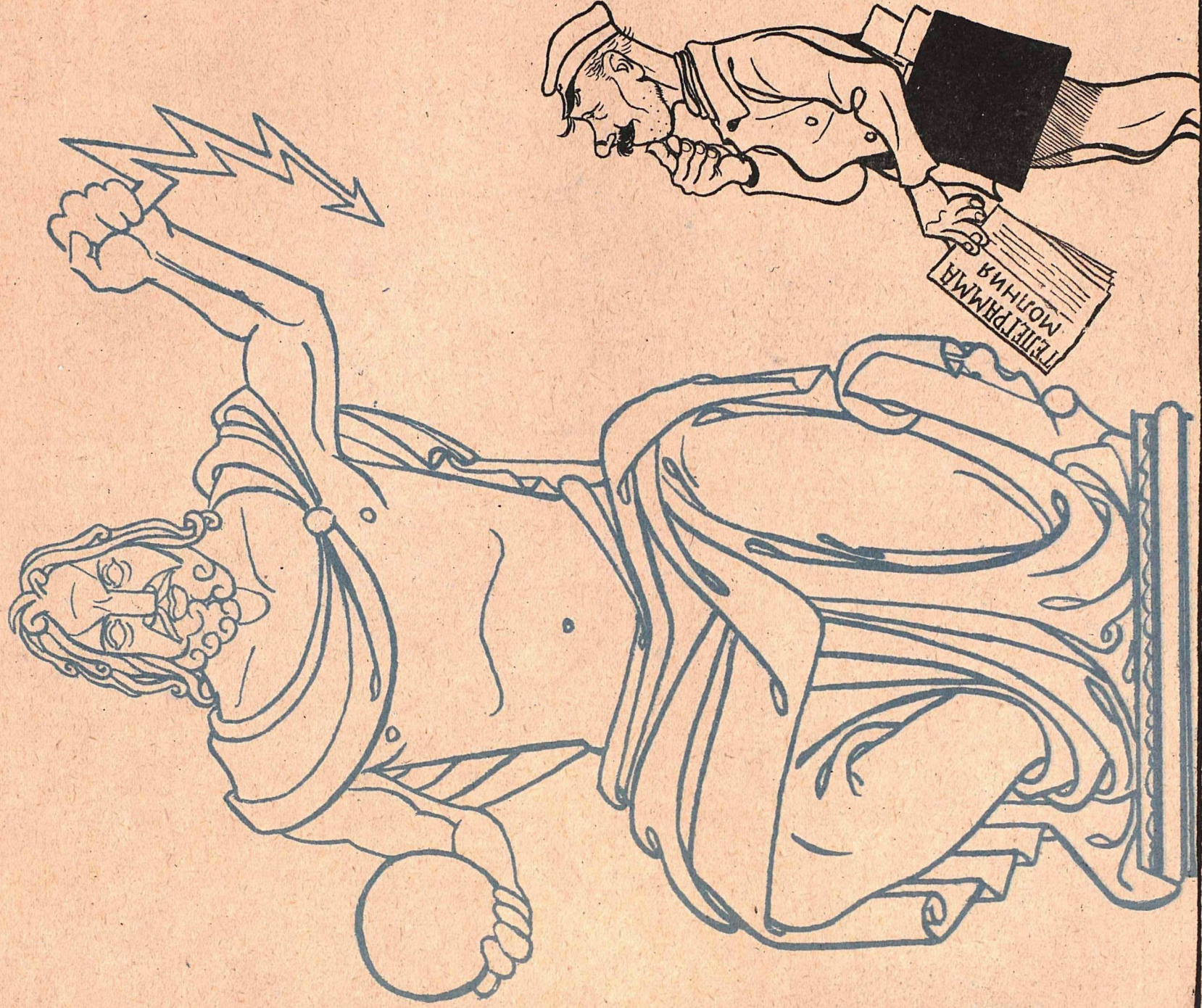
Грустно, дорогой читатель.

КАПИТАН ГАТТЕРАС

ДВА ЗЕВСА

«Зевс — могущественнейший из богов, живущих на Олимпе. От него зависят: молния, гром и т. д.»
(Из М. С. Э.)

Рис. Ю. Ганфа

— Подумаешь, одну молнию держит... Я ежедневно несколько „молний“ задерживаю.

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ

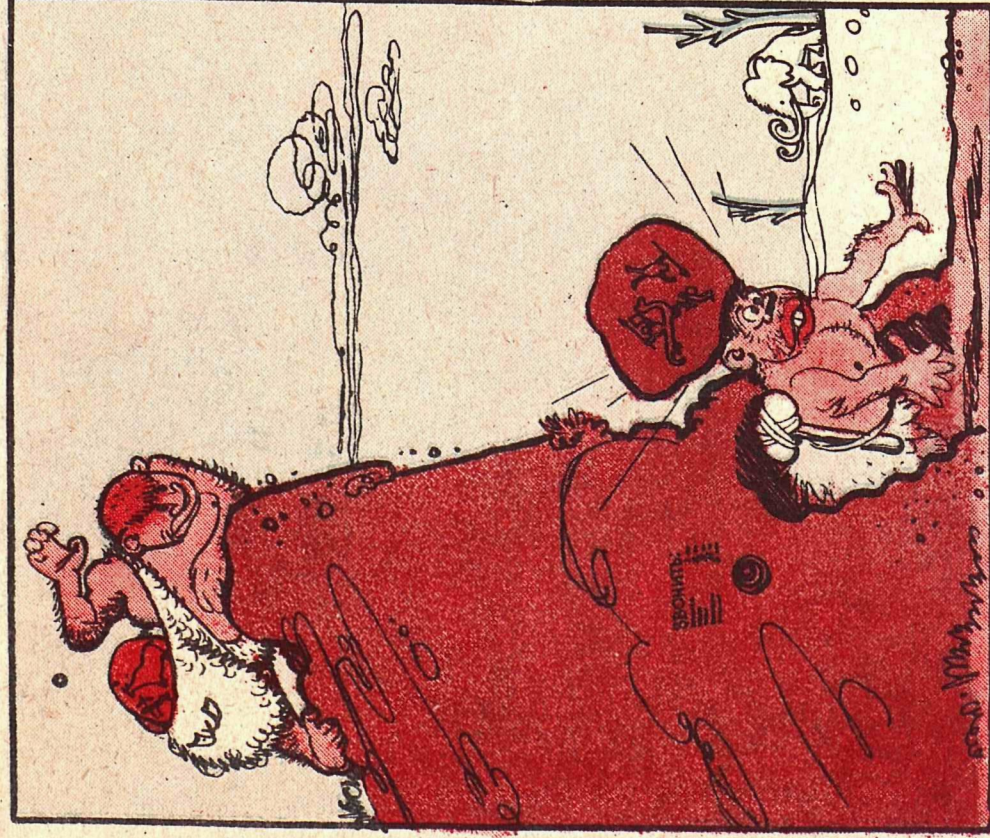
(ПО Н. ТИХОНОВУ)

Вручить приказали мне синий пакет.
Мой конь тонконогий быстрее ракет.
Мелькают деревья под топот копыт,
А сердце мое и дрожит и кипит...
И нему прижимаю я синий пакет.
В пакете, — я знаю, — строжайший секрет.
Сквозь ветер и бурю, сквозь дождь и грозу

На место я синий пакет доведу!
Мой конь меня носит чрез ямы и рвы...
Уж брезжут вдали очертанья Москвы...
Приехал Домчался, насытив свой пыл...
Минута в минуту на месте я был.
На месте, дрожа, открывают пакет.
Но в синем пакете послания нет!

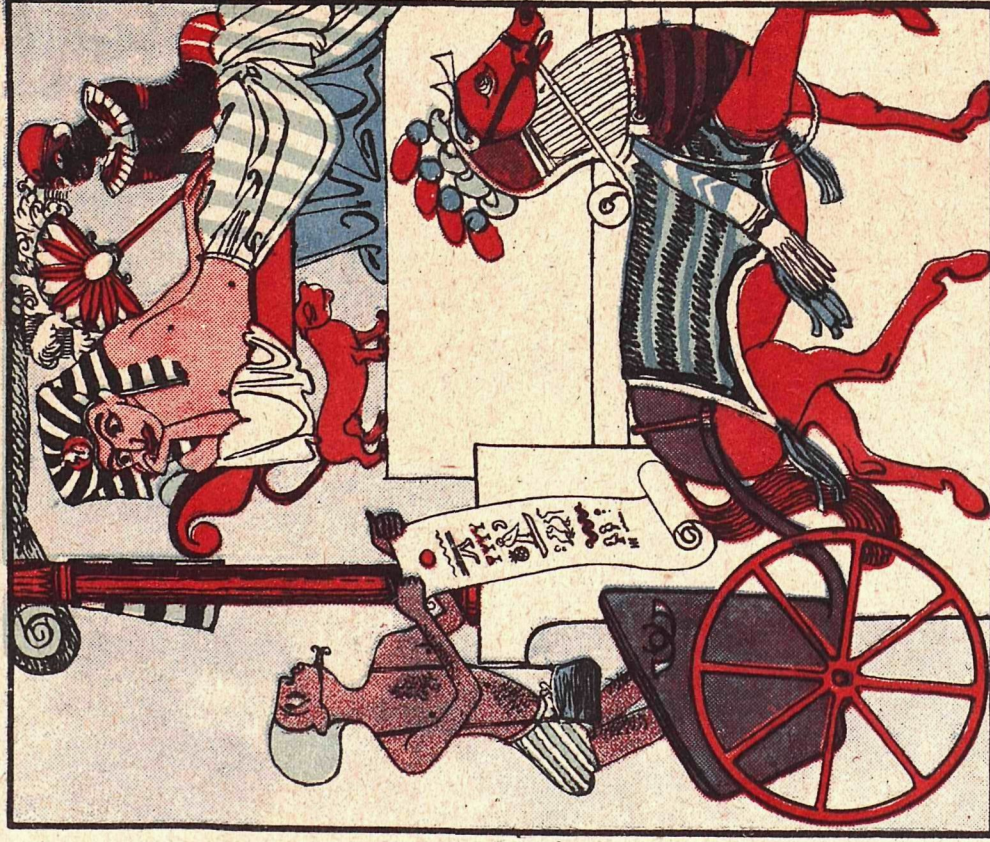
Хоть плачь ты навзрыд, слезы горькие лей:
Виною неудачи — неклеюший клей!
В дороге раскрылся закрытый пакет,
Из когорта выпал сторожащий секрет.
Был конь быстролетен, был всадник ретив,
Но клей на пакете был очень паршивый...
НЕ ЗАБЫТЬ!
МИХАИЛ ПУСТЫНИН

Рис. К. Ротова

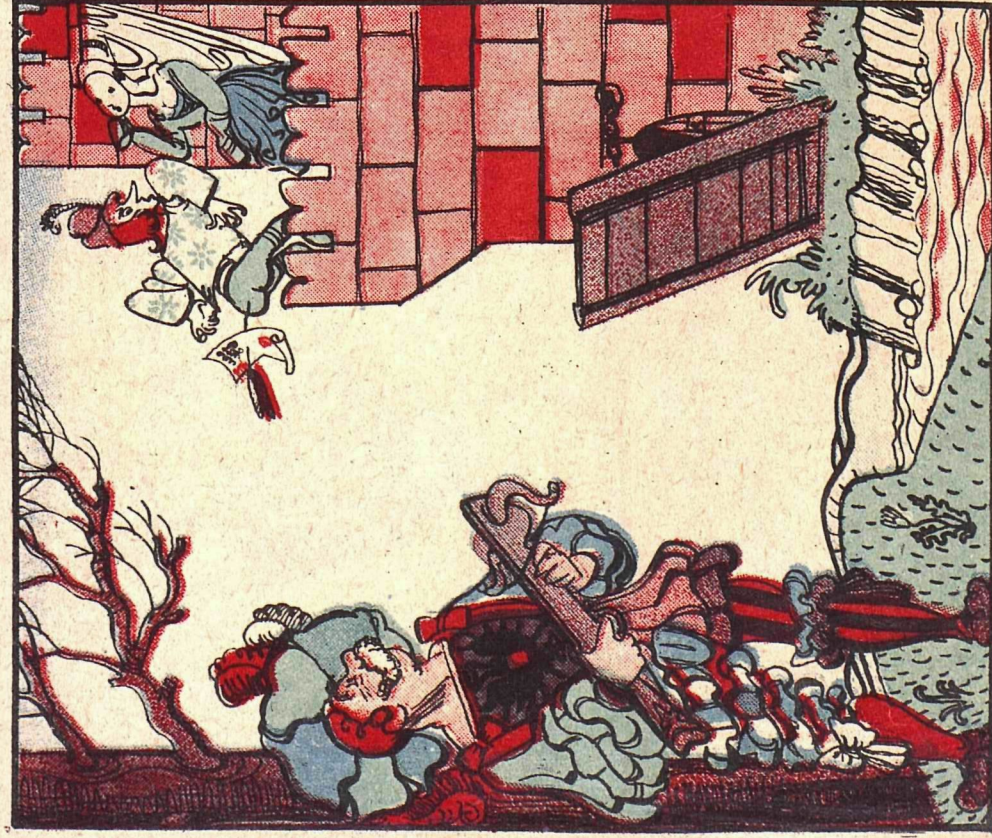
ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Быстро. По назначению. Лаконично и понятно.

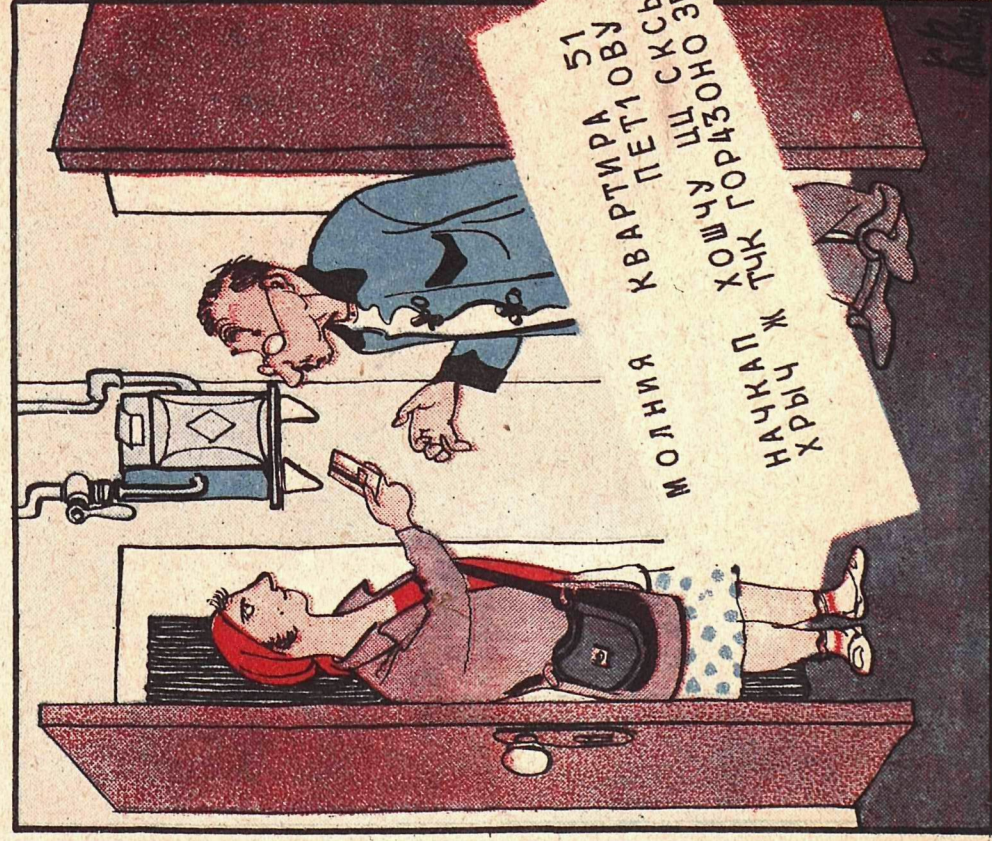
ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ.

Быстро. По назначению. Лаконично. Еще понятно.

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Быстро. По назначению. Лаконично. Почти понятно.

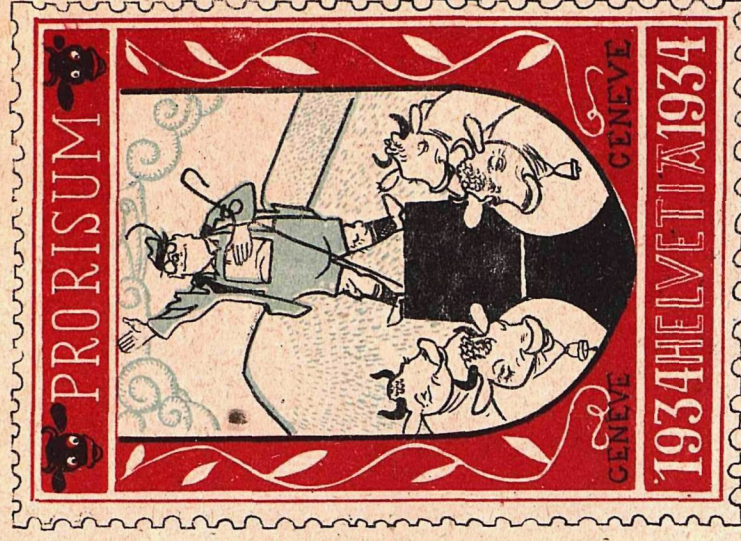

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ В НАШИ ДНИ

Не быстро. Не по назначению. Не лаконично и не понятно.

МОЛНИЯ КВАРТИРА ПЕТІОВУ 51
НАЧКА Ж ХОШЧУ Щ СКСЫТ
ХРРРР Ж ТУК ГОР430НО ЭПТ

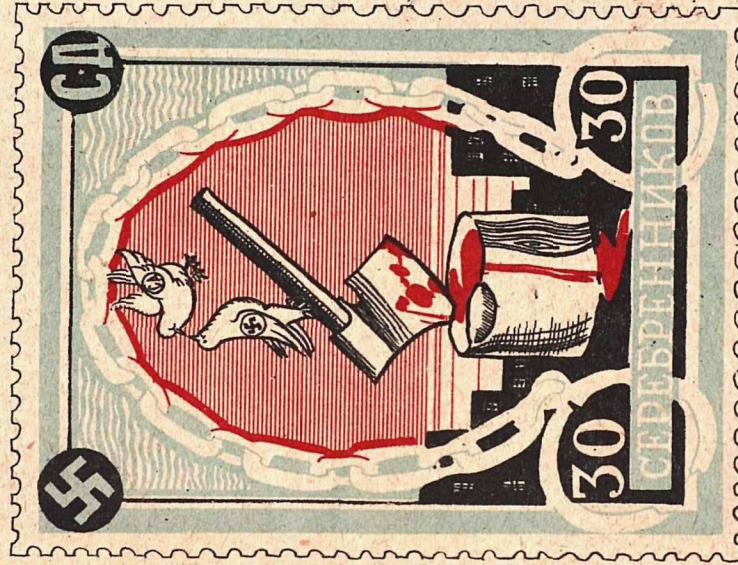
Марки Ю. Ганфа

Марка, предлагаемая нами для срочного выпуска в Швейцарии. Изображает вполне нормальных коров, смеющихся над г. Мотта. Почему они смеются, — понятно.

Марка, посвященная состоявшемуся недавно в Вене международному съезду полицейских. Наклеивается на конверт для вызова испуга среди населения.

Фашистская марка для внутреннего употребления, знаменующая сердечный союз между национал-социалистами и вождями германской социал-демократии господами Лебе, Зеврингом и другими.

Петя и Мура нежно любили друг друга. Семейная их жизнь была безоблачна. Знакомые называли счастливых супругов «опытно-показательными» и завидовали им.

Летом Петя достал для Муры пуховку в Крыму. В санаторий зоотехников и ветеринаров.

Расставаясь, они рыдали.

— Телеграфируй! — неосторожно сказала Мура, садясь в вагон.

Через пять дней после отъезда Муры тоскующий, похуевший Петя пришел на телеграф. Грустно втиснувшись в очередь к единственной ручке, прикованной к столу толстой, почти собачьей цепью. Молодой человек в скрепных штанах, завадевший прицепным орудием канцелярского труда, споконно переписывал набело эпическую поэму в 1.000 строк. На четвертьловое рычанье очереди пост-скороговоркой врал:

— Обождете! Подумашь! Мея, может, столицено издательство ждет! Наконец поэга прогнали, и нежный супруг написал страстную «моляно».

«Тоскую милой загорай целую не-счебно Петя».

Не прошло и трех дней, как Мура получила Петину «моляно». Глаза ее

засветились счастьем, когда, взглянув мельком на распечатанный бланк, она увидела благоуханный глагол «целую».

Однако, прочитав «моляно» целиком, Мура победнела и заплакала. Телеграмма действительно была какой-то странной.

«Тоскую Милой за горой целую не-счастную Петттттт».

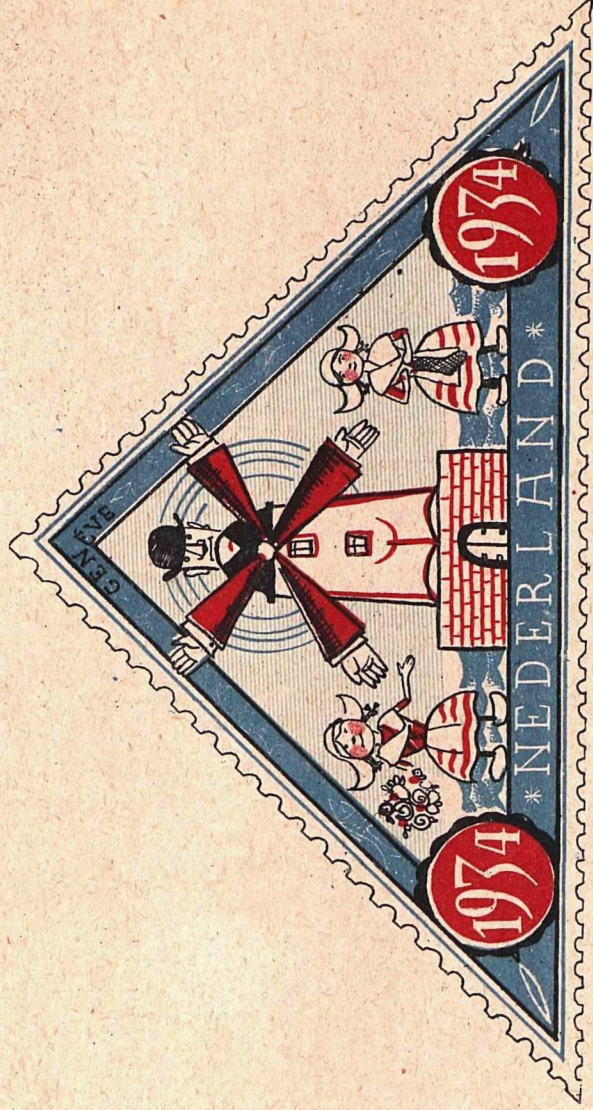
Зловещий смысл «моляно» был не совсем ясен, и Мура побежала на пляж посоветоваться с Лелей, опытной девушкой из племени личных секретарш.

Личная секретарша, разложив телеграмму на голой коленке, скользя текст два раза и безапелляционно ре-шила:

— Все ясно! Он — ужасный циник. Черным по белому пишет, что тоскую — это, милачка, по-тетереви-ному значит флиртовать со своей дрянью, которую зовут Людмиллой, за какой-то горой, а тебя, несчастную, из жалости целует!

— Что же мне делать? — проор-дала бедная Мура.

Личная секретарша чмокнула под-ругу в золотой затылок и высказа-

Голландско-женевская марка, увековечивающая историческое выступле-ние г. Коляйна против принятия СССР в Лигу наций. Выпускается для смеха.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Провожала его туда полная граждан-ка в красном берете набекрень. Зоотехник Сережа хозяйственно распечатал Петину вторую «моляно» и прочел Муре бергале, на этот раз не перевранные телеграфом строки: «Большая не тоскую немедленно вы-езжай вопрос развода решим Москве Петя».

Вечером окаменевшую от горя и не-доумения Муру погрузили в скорый поезд и отправили в Москву. Ковар-ный зоотехник на вокзал не пришел.

Петя и Мура, конечно, не разве-лись. Они объяснились начистоту и живут попрежнему вместе. Но старо-го безоблачного счастья уже нет. Му-ра никак не может поверить Пете, что Людмила за горой не была, а Пе-тя, умаливая про гражданку в крас-ном берете, до сих пор допытывается, с кем именно не терла времени Му-ра в Крыму. Знакомые больше не считают их опытно-показательной па-рой. А когда Пете и Муре случается проглотить мимо телеграфа, они опас-ливо поглядывают на его серую гро-маду и тяжело вздыхают.

Влюбленные! Бойтесь телеграфа! Он опасен.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПОЧТА

(По С. Маршаку)

Ко мне позвонил почтальон.
Распишитесь, — промолвил он, —
Против вашей фамилии:
К вам письмом из Бразилии!
Я был удивлен весьма:
Не ждал я из Бразилии письма!
Гражданин! Верьте — не верьте, —
20 марок было на конверте:

Марка испанская,
Марка итальянская,
Марка английская,
Марка бельгийская,
Марка немецкая,
Марка турецкая,
Марка американская,
Марка мексиканская,
Марка ватиканская,
Марка парагвайская,
Марка уругвайская
И других марок много...

Меня объяла тревога,
Задрожал я с ног до головы:

Письмо было из Москвы
И послано далеко куда-то
«За ненахождением адресата»!!!
А я из Москвы и не выезжал,
Спокойно на московском диване
лежал...

Письмо в погоне за мной
Облетело шар земной,
Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку,
Для меня письмо везли
Поезда и корабли

И даже — в порядке авиационном.
Словом, побывало оно во всем мире!
А живем мы с почтальоном
В одной коммунальной квартире!

ВОРОБЕЙ-РАЗБОЙНИК

Чудесный майский день был на исходе. Мы сидели с моим другом в комфортабельном номере одной из феенебельных московских гостиниц и изывали от потока излишних услуг, доставшихся нам административной гостиницы. Каждая наша просьба и желание выполнялась с такой торжественностью и такими помпезными подробностями, как будто мы были посланцами величайшей державы, приглашенными на королевский прием в Буккингемский дворец.

Когда официант в белом традиционном переднике, изгибавшийся, как гибкая лоза, в бесчисленных поклонах, оставив нас, наконец, наедине с прекрасным сервированным для ужина столом, Шерлок Холмс, не проронивший во все время этой экзотической церемонии ни одного слова, выколол трубку и, любовно разглядывая ее, задумчиво начал:

— Вы, Watson, всегда сопровождаете меня в наиболее интересные из моих приключений, безусловно условия уже себе основную прелесть моей профессии. Главное в ней — не борьба с оружием в руках, не пальба из кольтав и не гонка на автомобилях за посядком. Вся прелесть — в распутывании логического клубка, в раскрытии тайны, существующей где-то под боком у тех, которые должины были бы ее разгадать в первую очередь. Когда все раскрыто и становится известным, где преступник, нам делать уже нечего. Тут уже начнется сфера приложения вооруженных сил порядка. Вспомните хотя бы...

Резкий звонок телефона прервал его слова.

— Это телефон номер 3-94-33? — раздался из трубки взыскательный женский голос.

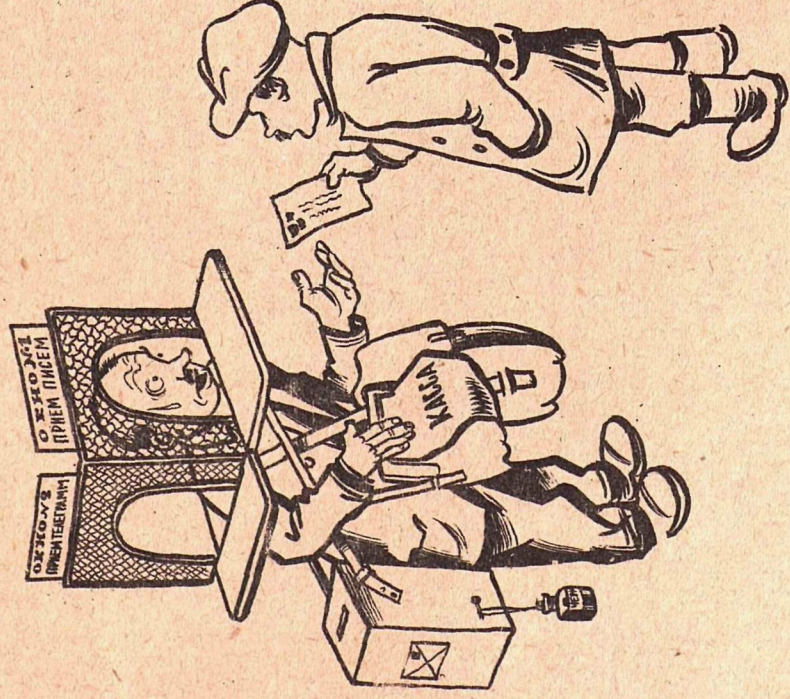
— Да. В чем дело? — заинтересовался я.

— Ничего особенного, — ответила успокоенный голос. — Повестьте трубку. Проверяется телефон. Я с досадой повесил трубку. Холмс, чуть улыбаясь, продолжал:

— Вспомните хотя бы знаменитую историю о страшном нападке в Брест-Литовске. Это случилось лет тридцать тому назад. Среди невооруженных грузов на багажной станции была обнаружена корзина, начинная издавать страшное зловоние. Когда ее вскрыли, глазам присутствующих представилось полное ужаса зрелище. Получившийся женский труп с вырезанными щеками. В окровавленном белье метки были вырезаны. Фамилия адресата, которому надлежало получить корзину, была, конечно, вымышлена, равно, как и фамилия отправителя. И все же...

В Исаакстане в целом ряде городов и селений на одного почтальона падают все функции почтового отделения.

Рис. М. Храпковского

Каждый сам себе почта и еще 14 необходимых для нормальной работы аппарата связи предметов.

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

(ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ДОКТОРА ВАТSONA)

Снова тревожно зазвонил телефонный звонок.

— Будьте добры, позвоните к телефону гражданина Кошке...

— Простите, сударыня, вы, очевидно, не туда попали.

— Ну, тогда Марью Ивановну из двенадцатого номера.

— Простите, сударыня, тут Марья Ивановны тоже нет.

— Боже мой, но это 3-24-33?

— Нет, сударыня, это 3-94-33...

— Ах, простите, — донесся из телефонной трубки плачущий женский голос. — Прямо удивительно, как это станция все время умудряется перевернуть номера телефона...

— Так, вот, — невозмутимо продолжал мистер Холмс, задумчиво раскуривая трубку, — несмотря на вымышленные фамилии адресата и отправление, несмотря на отсутствие меток на белье, убийца, оказавшийся содержателем мелкой московской гостиницы, все же был найден. Может быть, помните, в «Тайме» ему была посвящена не одна сотня строк. Николай Викторов. Он украсил потом своей персоной отвратительный букет сахалинской каторги. Детектив, ведший следствие, установил, что обе вымышленные фамилии начинались на букву «В». Наиболее вероятно было, что на эту букву начиналась и фамилия действительного отправителя страшной посылки, так как вызволенному до последней степени человеку в голову приходят всегда фамилии, начинающиеся той же буквой, что и его собственная. Эта небольшая логическая зацепка плюс осмотр белья убийцы, которое по своей убогой роскоши вероятно всего принадлежало женщине легкого поведения, и составили руководящую нить для дальнейших розысков. Представьте себе огромный миллионный город...

Тут телефонный звонок в третий раз прервал торжественно вечернюю тишину.

На этот раз телефонную трубку взяла моя друг. Я отмахнулся от этой бесцельной и раздражающей операции обеими руками. Однако, к моему удивлению, Шерлок Холмс не бросил с раздражением телефонной трубки. Любезно поговорив минуты две с невидимым собеседником, он записал что-то в своей записной книжке и обратился ко мне со ставшим уже традиционным вопросом, — согласен ли я — Watson — через полчаса выехать с ним по чрезвычайно интересному делу? Куда? На юг СССР — в город Новороссийск.

ПИСЬМО ОНЕГИНА К ТАТЬЯНЕ

«Я вам пишу. Чего же боле?» —
Теперь и я могу сказать...
Душа изныла вся от боли,
Я не могу двух слов связать...

Тому причиной, Таня, вот что:
Меня обслуживает почта,
А вас обслуживал гайдук —
Сверхрасторопный нянин внук.

Я в жизни ддя не помню краше...
С письмом мне вашим повезло...
Но если бы по почте шло
Письмо пленительное ваше,

Его, прелестное дитя,
Я б получил сто лет спустя!

Ну, как не думать мне о няне?
О гайдуке как не мечтать?

Свое письмо я милой Тане
По почте вынужден послать.

Пройдут года... Десятилетия...
Давно, быть может, буду тлеть я...

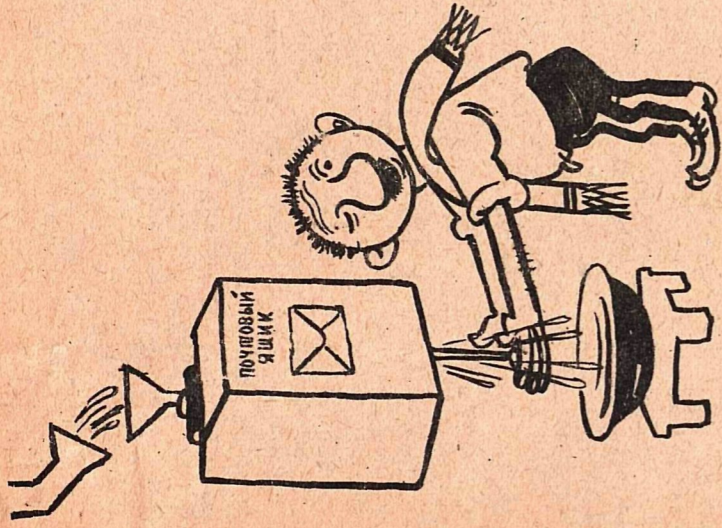
Вы мой получите ответ,
Когда вам стукнет... двести лет!

Да! Выпал мне удел не сладкий:
Свое письмо по почте шлю

И слезы горестные лью,
Кляня почтовые порядки,

И, отправляясь домой,
Твержу: «О, жалкий жребий мой!»

ПУШКИНИСТ

ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

...Получил твое письмо сынок Петрушка. Без меня тебе, родная, тяжело... Ты еще жива, моя старушка? — Ведь письмо твое ко мне три года шло!..

М. П.

дом со мной и, пуская голубоватые клубы ароматического дыма, начал:

— По совести говоря, доктор, придется, наверно, не мало поработать. Но мне почему-то кажется, что мы уже находимся на верном пути. Вы обратили, я надеюсь, внимание на тот интересный факт, что все обнаруженные в чемодане письма были адресованы в Анапу. Больше того, на всех конвертах варьируется только несколько названий улиц. Есть основание предполагать, что мы в данном случае имеем дело с людьми, входящими в один из маршрутов, ежедневно продаваемых джентльменами, разносящими письма, или, как их здесь называют, письмоносцами. Подтверждение этой моей догадки я надеюсь получить через несколько часов в личной беседе с дирекцией местной почты. Небольшая реконструкция на месте может нам высветить мотивы этого оригинального преступления. Что же касается фамилии преступника, то она скорее всего начинается на ту же букву, что и объявленная при сдаче на хранение чемодана, т.-е. на букву «В». Нет, конечно, никакого сомнения, что значащаяся в документах камеры фамилия слатчика — «Вейкшта» явно выдумана. Сообщать свою подлинную фамилию было бы, конечно, подлинным безумием.

Затем наша беседа незаметно перешла на восхищение красотами черноморского побережья, и изумительные его виды дали нам богатую пищу для разговоров до самого момента прибытия в Анапу.

Мы пошли с Холмсом по тихим улицам Анапы. Изредка он останавливался, вынимал лупу и шаг за шагом исследовал пыльный кустарник, красиво обрамлявший тихие городские тротуары. И почти каждый раз эти тщательные поиски увенчивались успехом. К концу первого часа поисков карманья Холмса уже были доотказа переполнены отсыревшими, запяленными и измятыми доставленными письмами и открытками адресатам.

— Да-а-а, — произнес задумчиво Холмс, — клубок начинает запутываться. Чья-то таинственная рука старается всеми способами подорвать доверие к почте. Прондётся, пожалуй, предупредить местного мэра еще сегодня до конца следствия. Пробуем поискать еще на той улице... Стой! — закричал он вдруг, резко повернувшись и молниеносно выхватив из кармана револьвер. — Руки вверх!

Громкий испуганный рев трех здоровых детских глазок был ответом на грозное восклицание сыщика. Трое малолетних анапских джентльменов, подняв вверх измятые и исцарапанные руки, горько плакали, с ужасом взирая на зияющее дуло револьвера. Нужно сказать, что и сам Холмс, удостоверившись, что таинственный шорох и

МЕЛКИЕ СОВЕТЫ

Так как не все детали почтово-телеграфного дела смогли полностью войти в специальный номер «Крокодила», помещаем здесь ряд мелких сведений и советов, полезных для почтово-телеграфных отправителей на территории СССР.

СРОЧНОЕ ПИСЬМО

Срочное городское письмо должно быть доставлено адресату в тот же день. Для этого его следует послать на несколько дней раньше, чтобы дать возможность работникам связи доставить письмо своевременно, не прерывая своей работы по задержке простых, несрочных писем. При отправке срочных писем отправитель получает квитанцию, которая дорога как память и как удостоверение в получении адресатом срочного письма.

БАНДЕРЛЬ

При отправке книг бандеролью следует последнюю наклеивать чрезвычайно осторожно, так как она может помешать работнику связи ознакомиться с содержанием пересылаемого. Значительно экономнее и рациональнее послать одну бандероль самостоятельно, так как книги все равно не дойдут. Пересылка обандероленных книг по телеграфу не производится, в виду отсутствия у работников низовых телеграфных отделений интереса к свежей литературе.

ТЕЛЕГРАФНЫЙ БЛАНК

Для написания телеграммы существуют стандартные бланки, сделанные из щепок, конского волоса и отходов от венки. В виду того, что эта смесь легко ломается при соприкосновении с ней обыкновенных стальных перьев, текст телеграммы следует писать дома, а в телеграфном отделении лишь прикреплать его кнопками или шнуром с телеграфным бланком. В таком виде текст не затрудняет работника связи и почти готов для использования.

треск, раздававшийся некоторое время вокруг нас, создавали такие юные граждане, чрезвычайно смутные и, сунув револьвер в карман, затребовав от них немедленных объяснений.

— Напрасно вы, гражданин, в нас револьвером тычете. Вы только сегодня начали искать письма, а мы уже который месяц каждый день собираем конверты и открытки. Тут, гражданин, на всех хватят. И на нас и на вас.

— На этой улице собираете? — осведомился Холмс.

— Почему на этой? У нас их на всех улицах хватает. Мы недавно даже целую сумку почтальной оную нашла. Писем там было!..

Шерлок Холмс взволнованно потер руки.

— Скорее на почту, — бросил он мне, — ну, жно немедленно информировать директора о невероятном преступлении, ежедневно творящемся таинственной преступной рукой. Не хотел бы я быть на месте этого несчастного директора почты. Вдруг такое известие сваливается на голову.

— По некоторым причинам, которых нам пока не хотелось бы объяснять, разрешите, сударь, не раскрывать своего инкогнито, — заявила несколько торжественно Холмс, крепко пожимая руку директора почты. — Нам было бы очень интересно получить несколько разъяснений по чрезвычайно интересующему нас вопросу.

В ответ директор почты вяло поморгал глазами, что, очевидно, должно было означать согласие.

— Не будете ли вы настолько любезны сообщить, имеются ли среди письмоносцев вверенной вам конторы люди, носящие фамилию, начинающуюся на букву «В».

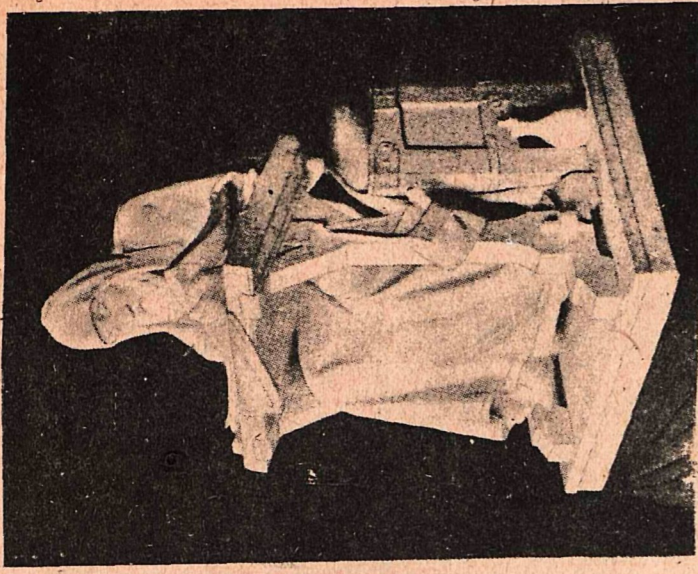
Директор задумчиво потесал затылок, беззвучно зашевелил губами и, глубоко вздохнув, отрицательно качнул головой.

— В таком случае разрешите узнать, не приходилось ли вам слышать о каком-нибудь подчиненном вам нерадивом письмоносце? О человеке, который, я сказал бы, недостаточно внимательно относится к своим обязанностям и даже иногда задерживает доставку писем адресатам? Не исключены и случаи пьянства с его стороны.

— Разве всех упомянуть, — ответил директор почты, слегка потягиваясь в кресле. — Конечно, приходилось слышать. Случается, не только задерживают, а и вовсе не доставляют писем.

— Мне бы не хотелось вас оторвать, гражданин директор, — сказал тогда Шерлок Холмс и извлек из карманов пиджака подобранный на улице корреспонденцию.

ЛЕТОПИСЕЦ НЕСТОР

Еще одно последнее сказанье

О той поре, когда мы получили Исправно письма через ямщиков...

Да, в годы те не пропадали письма,

Аэроплан не сбрасывал их зря

В морскую глубь, иль в речку, иль в болото.

И не были мы отданы в те дни

Почтовикам лихим на растерзанье...

Еще одно последнее сказанье...

— Нашли на улице? — спросил директор, спокойно взглянув на груду грязных конвертов и открыток. — Занесите их завтра к моему заместителю. Он их просмотрит и, пожалуй, разошлет адресатам...

Холмс оторопело посмотрел на невозмутимого директора.

— Позвольте, — вскричал он, — да знаете ли вы, что на Новороссийском вокзале найден целый чемодан недостававшихся анапских писем?

— А известно, кто сдал чемодан? — неожиданно взволнованно спросил директор.

— Какой-то мифический Вейкшта.

— Ах, Вейкшта, — облегченно вздохнула директор, — ну, славу богу, он уже у нас сейчас не работает. Ишь ты, суккин сын, — с восклицанием добавил он, — значит, говорит — целый чемодан? Вот здорово! То-то он мало задерживался на работе. Значит, он все время письма не относил адресатам, а складывал в чемодан? А потом, когда уволился со службы, уехал в Новороссийск и сдал чемодан на хранение. Ай да он!

— Значит, это не вымышленная фамилия? А нельзя ли узнать?..

— Да чего вы ко мне с вопросами пристали, Шерлоки Холмсы дряные? — окрысился вдруг директор почты и подозрительно посмотрел на нас...

Когда мы вышли из комнаты, Шерлок Холмс, злобно подняв воротничок пиджака и надвинув на лоб шляпу, спокойно закурил и чуть дрогнувшим голосом сказал:

— Ну, вот и кончилась, дорогой мистер Вагсон, моя карьера. Хаэтит. Дряхлеть начал. Да не возражайте, милый доктор, я это решил окончательно. Подумать только, взяться с серьезным видом за расследование преступления, о котором директор почты говорит совершенно спокойно, как об обыкновенном явлении...

— Да ведь учитите, Шерлок, что это не обыкновенное, не нормальное учреждение. Ведь это почта, — попытался я возразить.

— Не придумывайте для меня, милый доктор, смягчающих обстоятельств. Я должен был сразу учесть, что имело дело с ведомством связи. Стар я уже стал, доктор.

За окном благоухала чудесная субтропическая летняя ночь. Трещали झाкады. Торжественно шумело море. И о чем-то задумчиво пели черные нити телеграфных проводов.

— Шерлоки Холмсы дряные! — вспомнил великий сыщик слова директора почты, спокойно улыбаясь и принялся насвистывать скрипичный концерт Мендельсона.

Л. ЛАГИН

РОКОВАЯ СВЯЗЬ

Сегодня у Николая Дмитриевича Огурчиков, ответственного работника местной почты, семейный праздник.

Рано утром, проснувшись, он первым делом вспомнил об этом важном событии его жизни.

Евдокия Пантелевна: «Всегда и довольно улыбаясь, он сказал жене, — Зная! Сего числа исполняется ровно десять лет со дня нашего благополучного бракосочетания. Сообщая о вышензложенном, приношу свои поздравления».

В голубых глазах Огурчикова блеснула очень лукавая улыбка. Он тотчас же постарался погасить ее. Надо сдерживать себя. Он, Огурчиков, что-то знает. Но до поры до времени никому ничего не скажет.

Видите ли, он приготовил жене маленький сюрприз. Еще вчера вечером перед уходом со службы Огурчиков сочинил поздравительную телеграмму жене. Он отдал ее дежурному по телеграфу Стульчикову и просил отправить ее завтра рано утром.

При этом он интимно-дружеским голосом сказал Стульчикову:

— Вот-то будет рада! Ведь прожилла она на белом свете тридцать два года дура-дурой: за весь отчетный период не получила ни одной телеграммы!..

Сейчас доставят сюда его телеграмму и вручат жене. Надо сделать безразличный вид, как будто все идет нормально и нет никаких необычайностей и неожиданностей.

Но все же незаметно следует нажать саух: не стучат ли в парадную дверь, не идет ли посыланный с телеграфа?

Сели завтракать. Супруги, умиленные семейным торжеством, стали вспоминать далеко ушедшие дни, золотое время молодости: шопот, робкое дыхание, трели соловья и т. д. Предаваясь столь сладостным воспоминаниям, Огурчиков все же чутко прислушивался. Чьи-то шаги по лестнице... Стук в дверь!

Для усиления эффекта Огурчиков зевнул и сказал небрежно: — Кого-то там нелегкая принесла. Зизи, выйди в коридор на предмет выяснения личности пришедшего.

Евдокия Пантелевна вернулась из коридора, смущенная и растерянная: — Кошмар. Дикий случай. Телеграмма. Мне. Так и написано — Евдокия Огурчиковой. Ничего не понимаю!

— А ты почитай, поменьш.

Огурчиков, трепеща и торжествуя, устоялся на жenu. Сейчас она кинется к нему на шею и слезы радости и благодарности оросят его серый в полосу пиджак.

Но жена, прочитав телеграмму, еще пуще смутилась. — Кошмар! Какое-то двусмысленности!.. Огурчиков выхватил телеграмму из рук жены и к ужасу своему прочел:

«Улица Либкнехта 16/7 Евдокия Огурчиковой сообщите процент повышения урожайности за последний месяц т.ч. Нежно целую Шишкин». Минуты на полторы Огурчиков потерял дар речи. Потом, опомнившись, вскочил и, сжав кулаки, забегал по комнате.

— Этот прохвост Стульчиков опять напугал. За последнее время замечено, что в дни дежурства Стульчикова наблюдаются искажения как частых, так равно и правительственных депеш, за что объявить Стульчикову строгий выговор с

предупреждением. Все подлец перепугал! Насчет урожайности—это адресовано в Союзмолоко, на ферму. «Нежно целую» — это я тебя нежно целую. А какой-то Шишкин тут не при чем. И чью моленья телеграмму искажал! Хотя бы какой-нибудь посторонней личности, а то своего же товарища!..

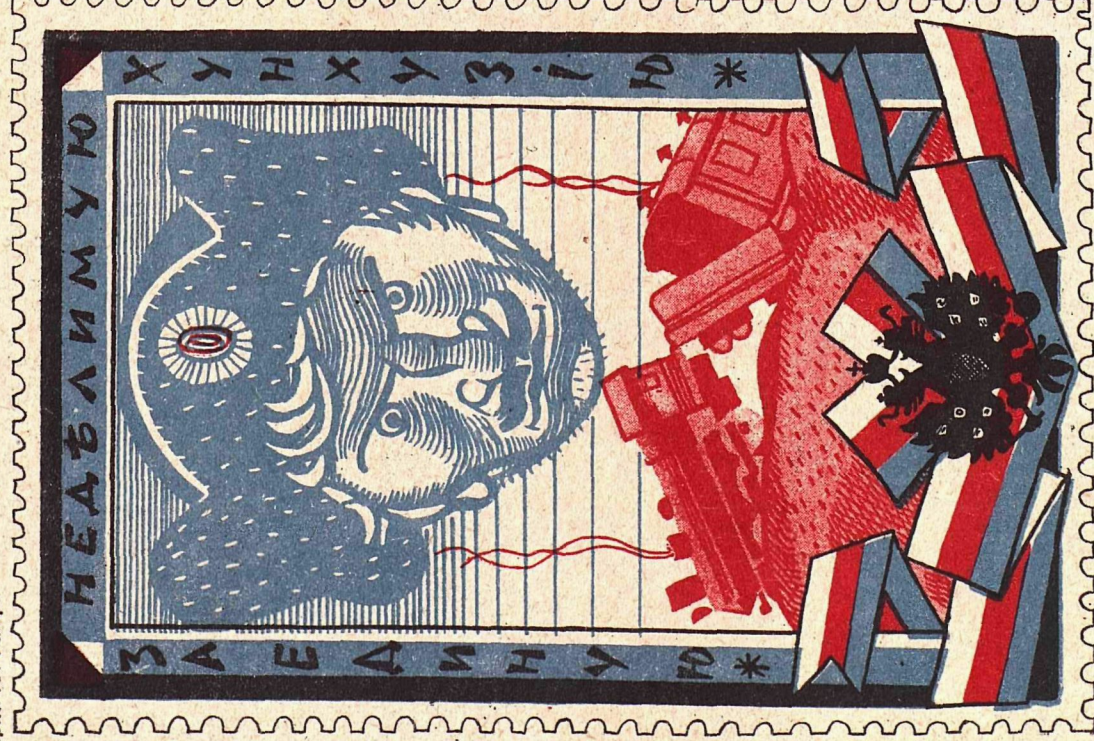
Успокоившись, супруги мирно продолжали свой завтрак, и опять потоками лились нежные воспоминания. Рожденные ребенка, корь, зубки, запоры. «Как хороши, как свежи были розы». Теперь их Танечке уже девять с лишним лет, и она декламирует современные стихи.

Стук в парадную дверь. Кого это там опять занесло? Огурчиков вскочил в коридор. Через минуту возвращается с письмом в руке. Быстро разрывает конверт. Читает письмо. С каждой минутой все более и более бледнеет. В изнеможении падает в кресло.

— Коля, что с тобой? — вскрикивает не своим

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

Марка Ю. Ганфа

Хунхузка—белогвардейская марка, рисующая труды и жизнь, а также работу на транспорте эмигрантов на Дальнем Востоке.

голосом Евдокия Пантелевна. — Что с тобой? — Со мной, — ничего. А вот что с тобой? Незначай вскрыл твоё письмо — и вот... Муж работает с утра до поздней ночи, не считая сверхурочных, а ты себе любовника завела? Не только в незаконной связи, но даже в почтовой переписке состоите с особой мужского пола. Спсибо!

— Сумасшедший! — Возвращаю указанное выражение за ненахождением адреса. Я с ума на сегодняшний часо еще не сошел. Но это может произойти в настоящем квартале текущего хозяйственного года, за что всю ответственность возлагаю на адресата данного письма.

— Кошмар! Дикий случай! Ничего не понимаю.

— Тут и понимать нечего. Вы, гочно разорвавшись в пути следования бандероль, рассыпали мою честь. (Читает письмо). «Миала Зизи! Крепко-крепко обнимаю тебя и нежно-нежно целую. Жду тебя сегодня вечером на нашем излюбленном месте, у погоны на берегу реки...» Кто этот мерзавец, который по вечерам шляется к плотине? Дай, мне его, и я его превращу в марку, вышедшую из употребления!

— Кошмар! Дикий случай! Ничего не понимаю.

— А вот и подпись — «Твой Коко». Коко! Имя-то какое! Наверно, идиот, прогубльщик, лезтун. Какой порядочный человек назовет себя Коко? Это дети так называют летуков. (Хватает конверт). А адрес-то как написан! Во-первых, в нарушение установленных правил: сначала фамилия, а потом улица и номер дома. От этого нам, работникам связи, одни неприятности. А во-вторых, почему Евдокия Пантелевна Чариковой, а не Огурчиковой? Вы даже стесняетесь мужской фамилии? Дали своему корреспонденту бывшую девичью фамилию. Все, значит, предусмотрено и обдумано.

— Кошмар! Дикий случай! Ничего я не обдумывала.

— Развратница! Вот вам, почитайте с доставкой на дом. И повторю по сообщая, — развратница.

Огурчиков забегала по комнате. Он бегал и думал:

— Что еще надо сказать? Что говорят в таких случаях и как надо, вообще, действовать? Какие мероприятия наметить? Нервничать надо, это обязательно. В былые времена, при тогдашней дешевизне, самый раз было бы посуду бить. А теперь по случаю дефицита в области фабрикагов силкатной промышленности вспышки ревности чрезвычайно ограничены...

Растерянная Зизи взяла в это время со стола злосчастный конверт. Начала его разглядывать.

— Коля! — вдруг вскричала она. — Коля! Кошмар! Дикий случай! Ведь на конверте штемпель 1924 года!

Огурчиков подбежал, выхватил из рук жены конверт.

— Да. Действительно. 1924. Но это ничего не значит. Могли по ошибке... А вот посмотри дату на письме этого соляйка Коко. Вот — читай: май... Да, действительно. Май 1924 года.

— Кошмар! Дикий случай! Это же твой почерк, твоё письмо, Коля!..

— Как мое письмо? Откуда мое письмо. А кто же этот прохвост Коко?

— Ты, мой милый. Ведь я тебя так когда-то называла. — Да. Действительно... Вспоминаю... Я — бывший Коко. Это и есть мое письмо. Мой почерк. Теперь я все понимаю. Письмо лежало на почте десять лет... Вот тебе и связь! Безобразия! Упало трудовой дисциплины. Заведующему экспедицией Холкину за невнимательное отношение к письмам трудящихся объявить строгий выговор с предупреждением. Зизи, обними меня!..

Сели за стол, чтоб окончить завтрак. К воспоминаниям не возвращались. Кто-то стукнул в дверь. Супруги вдрогнули. Может, опять почта!..

Г. РЫЖИЛИН

— Народ в нашем городке культурный. Например, гражданин Степанчиков три газеты и два толстых журнала выписывает, а гражданин Федорченко — четыре газеты и пять толстых журналов...
 — А ты откуда знаешь?
 — Да вот они все тут четвертый месяц лежат.

СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ: „ВАНЯ“

Легко написать телеграмму. Значительно труднее сдать ее на телеграф. Но не в пример труднее разобрать, что написано в сырой, пахнущей отравительным клеем телеграмме, которую вам только что с торжественным и официальным видом вручил писемносец.

Что скрывается за многочисленными буквами, разбросанными в диком беспорядке на строгий телеграфный ленточке? Падет ли получатель телеграммы стрелой прозенный? Или мимо пролетит она? Что принесла с собой депеша: радость или горе, поощрение или соболезнование?

Тяжелым усилием несчастного одиночки. Не по плечу взяла на себя задачу. Такая титаническая работа под силу только сработавшемуся, тесно сплоченному коллективу. И если вы как-нибудь увидите тесную кучку людей, оживленно жестикулирующих и громко спорящих, потрясающих некачественным клочком бумаги, знайте: это спор идет о телеграмме. Каждый из них задирает свое толкование только что полученной телеграммы.

Спрос немигуще рождает предложение. Уже поговаривают о том, что нето в Канске, нето в Камемском повисла на телеграфе какой-то третий старичок, который за плату раз ясняет встревоженным гражданам сокровенный смысл полученной ими в недобрый час телеграммы. И что будто этот третий старичок работает сдельно и берет по пятаку за каждое разобранное слово. Но не меньше нет отбоя от клиентов. И что будто у этого третьего старичка все время нет отбоя от клиентов. И что будто живет этот третий старичок, вследствие изложенных обстоятельств, в сказочном счастье. Но один старичок проблемы не решает. Даже сто старичков. И даже тысяча. Все это только капля в море. Немедленно требуется какое-то радикальное мероприятие. Со своей стороны мы считаем возможным предложить в качестве такового мероприятия наискорейшее составление, под авторитетным, конечно, руководством, специального телеграфного кода, который мыслится нами в следующем примерно виде.

Слева надлежит выписать столбец наиболее часто встречающихся в телеграммах искажений. Справа же против каждого такого искажения должно быть поставлено истинное значение этого слова: Например:

Напечатано в телеграмме	Надлежит читать
Вожжаюяя	Выезжаю
Кромсасым	Скорым
Самоварьян	Самару
Алтаузен	Похороны
Стостофоццаце	Состоятся
Беременворс	Своевременно
Фрхрмргг	Ваня.

Таким образом человек, пользующийся таким кодом, получив телеграмму, может, не волнуясь и без лишнего огорчений и сомнений, узнать, что Ваня выезжает в Самару скорым. И что похороны состоятся своевременно. И так далее.

Невооруженным глазом видна огромная польза такого кода. Нужно немедленно приступить к его составлению и массовому распространению. И пускай код составляют не какие-нибудь случайные люди, а старые работники телеграфа и самые многострадавшие получатели телеграмм. Так будет вернее.

Ждем откликов заинтересованных лиц и организаций.

КАРАУЛОВ

НОЧЕВАЛА ТУЧКА

Телефон Ар. Б.

НА МОСКВУ М
Ночевала тучка золотая
На крыльях утиных лапках.
Утяти в путь она двалась рано,
Но газету всего тороп.

КОЧЕВАЛА РУЧКА ЗАЛЮБЛЕНА НА ГРУДЬ
УТЮГОВА И КАЛА ТУХ ПУДРОЙ В ПУД
НАКУЧУЛАСЬ РАНА НО ДАЗАРЬ ВЕСЛОМ
ИГРАД.

СНАЧАДА ПОЛУЧКА ЭПТ НАГРРАДУ
У ТЕСОВА ИСКАТЬ ТУХ МУДРО
НАУЧИНАТЬ НАДО ТУХ ДАЗАРЕВА НА
СХОМ. РАВ.

МОЧАИ ПОЛУЧЕНА ЭПТ НА ОГРАДУТЕСА
ИСКАТЬ ТУХ ДРОВ ПОКУПАТЬ
КЕ НАДО ТУХ ДАГОРЕВА ОСЛОМ
СЧИТАД.

РОДИЛА ВЛАГОПОЛУЧНО ЭПТ
ОБОРУДУИТИ
КАТЪ ТУХ КОРОВ КУПАТЬ НЕ НАДО
ТУХ ДАГЕРЬ ОСЕНЬ В УЕЗИАН.

Настоящая телеграмма — не подлинник, а только робкая фантазия. Мы просто представили себе, что получились бы, если бы кто-нибудь захотел послать по телеграфу текст популярного лермонтовского стихотворения и как бы оно последовательно изменилось в пути. Вывод отсюда ясен: освещать классиков по телеграфу чрезвычайно рискованно. И наоборот — освещать этим же путем некоторых из современных поэтов может не принести только пользу, так как телеграфные искажения всегда могут вложить некоторый, хотя и отдаленный, смысл в их поэтическое произведение.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Мама подписала меня на «Мурзилку». Говорят, что это очень хороший журнал. И с картинками. Один раз я получила номер журнала, но на нем было написано «Красная новь». Папа его читал и сказал, что это тоже хороший журнал, но он без картинок и я его не пойму. Потом мне еще прислали газету «За индустриализацию», без картинок, и каталог семян — с картинками, но я их не поняла. Я спросила у папы, почему я не получаю «Мурзилки», а он ответил, что это — почта и я все равно не пойму. И действительно, я теперь ничего не понимаю. Напиши мне, пожалуйста, дорогой Крокодил, на что нужно подписаться, чтобы я получила «Мурзилку». Папа большой и хитрый, он подписался на журнал «Литературный критик», и ему, наверное, начнут высылать «Крокодил», а я маленькая и сижу без «Мурзилки».

Тирасполь.

РАЯ ЗИНЬКОВСКАЯ.

Дорогой Крокодил!

Я здоров и полон сил. Помянь у меня преготличная. Я помню до мелочей все прочитанное мною много лет назад. И вместе с тем меня упорно и настойчиво заставляют по несколько раз читать одно и то же.

Через 48-е почтовое отделение в Москве я выписал на дом «Правду». Но почтальон либо мне вовсе не приносит газету либо приносит старые номера.

Я возражаю. А почтальон, улыбаясь, мне говорит:

— Вовсе не дать газету — обижаются. Дать — тоже обижаются. Никак не угодишь.

Дорогой Крокодил! Я полагаю, что и почтальон и заведующий 48-м почтовым отделением, который не принимает никаких мер, должны угодить тебе на выль. Не правда ли?

Москва,

М. КОРОЛЕВ.

Дорогой Крокодил!

Мне удалось установить способ, каким в некоторых местах Ленинградской области сохраняют письма от пропажи. Так как этот способ очень не сложен, изложу его в двух словах. В колхозе «Нижний конец» я опустил мешка полтора назад письмо в почтовый ящик. Письмо, конечно, куда не пришло. Заинтересованный этим нормальным фактом, я предположил однажды открыть почтовый ящик и посмотреть, нет ли в нем какой-нибудь нижней щели, в которую проваливаются письма. Вместе с предводителем правления колхоза мы вскрыли ящик, и оказалось, что никакой щели там нет, а писем довольно много. И каждое из них лежало мешка по два. С радостным чувством я увидел там и свое письмо. Теперь я понял, что не везде письма теряются, и некоторые почтовые отделения удачно применяют способы сохранения их в простейших приборах, называемых почтовыми ящиками. Это открытие так взволновало меня, что я не мог удержаться и не сообщить о нем и тебе.

Детское село.

А. ТОХТУЕВ.

Дорогой Крокодил!

Я знаю, что не все виды почтовой связи можно использовать для подсобных целей. Нельзя, например, к почтовому голубю прикрепить собственные носки для пересылки их знакомым. Но почтовый вагон — не голубь. Его грузоподъемность довольно солидная, и не удивляйся, что, например, мешка два назад на станции Самара работники Средневолжского управления связи погрузили в почтовый вагон в качестве бандеролей, заклеенных писем, открыток: 36 изоляторов и ретродукторов, две бутылки серной кислоты, крючья и даже болты и каток троса. А в этот же день в другой почтовый вагон в качестве срочной почты они погрузили 50 бочек цемента.

Не думай, что это результат чьей-нибудь внезапной близорукости и что кто-нибудь принял шемет за газетные пачки. Дело объясняется просто. Для собственных нужд Средневолжское управление пользуется почтовыми вагонами. Это, может быть, и очень удобно, но если все учреждения и организации пойдут по этому пути, — не увидим ли мы учрежденческую мебель, провозимую в нефтяных цистернах, овечий корм — в вагонах-ресторанах и живых телят — в международных?

Самара.

И. КОПЬЕВ.

Дорогой Крокодил!

Наш почтовый агент Рубцовского отдела связи (Зап.-Сиб. край) Чеботарев занимается систематическим пьянством.

Если он заявляет, например, что у него имеется к выдаче двести писем, триста бандеролей, сорок денежных переводов и сто пятьдесят газет, то мы этот список расширяем таким образом:

В виду того, что у пьяного двойится в глазах, надо все эти числа сократить ровно наполовину. Получаем:

100 писем.

150 бандеролей.

20 денежных переводов

и 75 газет.

Это вычитание нам приходится делать изо дня в день много раз.

Не лучше ли произвести один раз такого рода вычитание:

Одного работника (Чеботарева) вычтешь из одного (Рубцовского) отдела связи?

М. ИВАНОВ.

Зап.-Сиб. край, г. Рубцовск.

Дорогой Крокодил!

Три года назад я участвовал в шахматном турнире по переписке. И только на днях я получил открытку, где прочитал: «Уважаемый К. И., отвечаю на ваши ходы...»

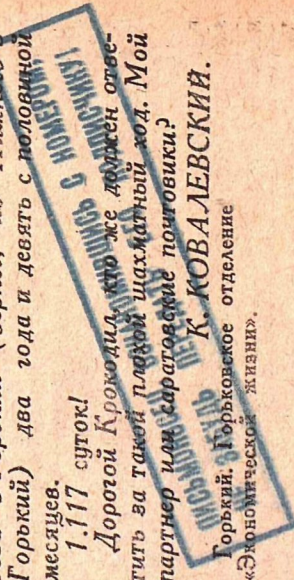
Открытка была выслана из Саратова 22 апреля 1931 года, получена в Нижнем 25-го, а рядом (рядом!) значится: «Горький 15-2-34-20 ч.».

Горький, 20 часов, 15 февраля 1934 года! Открытка шла, таким образом, из Саратова в Горький (вернее, из Нижнего в Горький) два года и девять с половиной месяцев.

1.117 суток!

Дорогой Крокодил, кто же должен отвечать за такой плачевный шахматный ход. Мой партнер или саратовские почтовики?

Горький, Горьковское отделение «Экономической жизни».

АРБУЗОЯБЛОКИ

Нам очень неприятно оторчать маститого И. В. Мичурину, особенно вскоре после его юбилея, но оказывается, что все его опыты — это только легкая наметка тех чудес, которые может совершать любое почтово-телеграфное отделение.

Многое может сделать ученый. Вырастить, например, небывалой величины савву. Выпестовать необычайный злак. Изменить вкус в плоде. Но еще не было случая, чтобы кто-нибудь превратил дыню в лимон или, скажем, цветущую сирень в тыкву.

Совершенно другое дело у работников связи. Нет у них под руками лабораторий, нет в них изобретательского гения и замыслов ученого, но если потребуется легкое чудо, — пожалуйте.

Гражданка Олехнович послала со станции Кочетовской (на Дону) своим родственникам 19 килограммов яблок в хорошо запакованной упаковке. Яблоки были нормальны. Вкусные. И особым примет не имели. Стала гражданка Олехнович ждать ответного письма от родственников. И получила его с таким текстом:

«Посылку получил. Большое спасибо. Арбуз оказался сильно побитым, вялым, и пропал весь вкус».

Вот и верь после этого в слабую квалификацию периферийных работников связи. Много вы найдете людей, которые при помощи простого штемпеля могут превратить яблоки в арбуз? А вы: наука, наука!.. Эх вы!.

ОДЕССКАЯ НОВЕЛЛА

Французский приключенческий писатель Луи Буссенар поразил когда-то читателей, отправив героя одного из своих романов из Парижа в Бразилию через Сибирь. Оправдывался этот маршрут тем, что упомянутый герой болел и Алейское, Западносибирское в парижане болела морской болезнью и предположительно продолжительный и опасный, но зато обеспечивающий от проклятой качки сухопутный способ передвижения. Продавал экзотическое путешествие через Сибирь, замерзший Берингов пролив, Канаду, США и Центральную Америку, герой романа Буссенара благополучно добрался до Бразилии, где и попал в лапы банды разбойников.

Сколько отлична от судьбы этого героя приключенческого романа зло-счастливая история письма, отправленного в июне текущего года из города Арбуз в город Яблоко. В этом номере «Крокодила» мы не можем не поместить хотя бы краткой информации о самом оригинальном письменосце СССР. Таковым оказался дед, Репяшник, письменосей колхоза «Хлебороб», Красносельского сельсовета, в Одессине.

У деду Репяшника есть некоторый цеховой дефект для ответственных обязанностей письменосца. Он — неграмотный. Как же справляется со своей работой 69-летний почтово-телеграфный дед?

Очень просто. По количеству вероятных адресатов в его районе — а их набралось четырнадцать — Репяшник сделала в своем незначительном туалете 14 карманов. Каждый карман соответствует одному адресату. На левой штанине место для Андрея Полищука, под стариковской грудью — карман для Галки Видненко, а для отдаленного Гавриила Пиритыма — карман, извините, совсем почти на сиденье.

Утром деду Репяшнику наполняют его карманы почтой. Пиритымову почту суют по сиденью, Галкину — под грудь, а Полищукову — в левую штанину.

Карманы свои дед-письменосей освоил на все сто процентов. А если случайно позабудет, куда какое письмо ткнуто, он останавливает встречного гражданина и тот ему любезно перекладывает письмо.

Правда, бывает иногда, что Полищук читает пиритыкинскую газету, а Галка, разорвав конверт с поздним удивлением узнает, что ее зовут Гаврилой — но это не в счет.

И жалоб на деду Репяшника немного. И сам он тоже не удивляется своей профессии. А наоборот, убежденно и примиряюще говорит: — А куда же мне неграмотному идти? Одна мне дорога — на почту.

Карманы свои дед-письменосей освоил на все сто процентов. А если случайно позабудет, куда какое письмо ткнуто, он останавливает встречного гражданина и тот ему любезно перекладывает письмо.

Правда, бывает иногда, что Полищук читает пиритыкинскую газету, а Галка, разорвав конверт с поздним удивлением узнает, что ее зовут Гаврилой — но это не в счет.

И жалоб на деду Репяшника немного. И сам он тоже не удивляется своей профессии. А наоборот, убежденно и примиряюще говорит: — А куда же мне неграмотному идти? Одна мне дорога — на почту.

ЯЗЫК АВТОМАТОВ

Наркомсвязь совершенно правильно требует от всех граждан, чтобы адреса писем и тексты телеграмм писались правильно и ясно, а не на чорт его знает каком тарбарском языке. Последний некоторые работники связи оставляют для себя. И пользуются им довольно широко и свободно. Вот, например, как составлены ленинградскими стилистами из местного отдела связи правила пользования телефонами-автоматами:

«...ОПУСТИТЬ 10 КОП., ПОСЛЕ ЧЕГО БУДЕТ ПРЕДОСТАВЛЕН ПЕРЕГОВОР».

«...БЕРЕЖЛИВО ОТНОСИТЬСЯ С ТЕЛЕФОННОЙ АППАРАТУРОЙ...».

Говорят, что телефоны-автоматы в Ленинграде действуют плохо. И вполне понятно. Если по телефону ведется разговор на таком языке, кому же захочется действовать хорошо?

НЕЖНАЯ «МОЛНИЯ»

Мы знаем, как работают труженники телеграфной линии. И не представляем их чеховскими Ятями, испущившими атмосферу для пленительных акушерок.

Но и среди сегодняшних телеграфистов нет-нет да промелькнут былые дни. И, к сожалению, необходимая лирика просыпается в них в самые неподходящие моменты. И не перекалывают они эту акробату в звучные строфы на отдельный бумажке или в семейном альбоме, а тщательно вставляют ее в телеграммы-«молнии».

Вот, например, любопытная переписка двух скучающих сердец, вставленная в прозаическую «молнию»:

РОСТОВ ДОН КРАЙОВУ

182 АРМАВИРА 21 33 11/8 10 2 МОЛНИИ

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЗАРПЛАТЕ 1 АВГУСТА СЧАСТЛИВОГО ВАС СНА ЖЕЛАЮ

ЧТОВ ПРИСНИЛСЯ ТОТ НОГО ЛЮБИТЬ АВГУСТА УЧИТЕЛЯМ 8000

МЕДРАБОТНИКАМ 8400 РАБОТНИКАМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА 4200

ПРОЧИМ 19800 ВСЕЮ 40400 ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ОПЛАЧЕНА АВГУСТЕ

БОЙКО

И как, наверное, приятно отдохнуть душой незаметным периферийным хозяйственникам, когда в сухой телеграмме о задолженности по зарплате вдруг заиграет и развеселит тонким тенорком:

— Счастливого сна я желаю...

Не читать такую телеграмму, апеть ее надо. И, спев, так взглянуть армавирских лириков из телеграфного аппарата, чтобы у них «молния» боком вышла.

ЗРЯ ВАМ ЧИН ДАЛИ, ФЕНДРИКОВИ

Премудрик Н-ского почтового отделения Ефим Захарыч Фендриков, выдержавший в свое время, благодаря снисходительности инспектора Н-ского уездного училища, экзамен на первый чин, после долгого последовавшего за сам преобывания в полной невестности снова выпрыгнула на поверхность бурных волн наук и язычной словесности. На сей раз он занялся публицистической деятельностью и написал в газете «Свердловец» — орган партокма, завкома и заводоуправления дзержинского завода имени Свердлова — большую статью под заглавием: «За литературу и искусствознание: о выращивании своих литературных кадров — мастеров художественного слова».

Обогатив читателей сообщением о том, что «в западной литературе проповедают о войне, создают расовую ненависть», Фендриков полагает список советских писателей минимум двумя полнокровными генеральными мастерами — Н. В. Гоголем и М. Е. Салтыковым-Щедриным.

«Надо сказать, — учит автор. За литературу и искусство», — и то, что советская литература за 16 лет своего существования СОЗДАЛА (подчеркнуто Фендриковым) таких писателей, как автор «МЕРТВЫЕ ДУШИ», ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ» и другие.

О том, кто эти «и другие» автор загадочно умалчивает. Может быть, под этими обезличенными словами скрываются Пушкин и Лермонтов. А может быть, и Гюмер...

Автор цитируемой статьи застенчиво скрылся от благодарных читателей. Статья идет без подписи. Редакция «Свердловца» статья так понравилась, что она пустила эту легендарно безграмотную галиматью в качестве редакционной.

Ах, Фендриков, Фендриков, зря вам чин дали. Вы очень развязный и безграмотный тип, м-све Фендриков!

ПОЛТОРА КИЛОМЕТРА В МЕСЯЦ

Какое произведение пера стоит посылать почтой из Малаховского почтового агентства, Азово-Черноморского края? Если задать этот вопрос в упор заведующему агентством гражданину Симонову, то этот скромный, но правдивый, труженик связи ответит без запинки: «Почтой рекомендую посылать только магнитострой литературы — романы, повести, рассказы, поэмы, баллады. Словом все, что имеет непреходящее, так сказать, эпическое значение».

Что же касается корреспонденций в газеты, то тактовые гражданин Симонов почтой посылать не рекомендует. Скоропортящийся продукт — корреспонденция. Может устареть. Этой простой истины не усвоил селькор из колхоза «Путь Ленина», отправивший через упомянутое почтовое агентство в полтавскую газету корреспонденцию с критикой работы своего бригадира во время уборки проса. И что же? Как и следовало

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежесдн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б), ПРАВДА.

Москва, Изд. № 988.

Сдача текста и рисунков 27/IX-34 г. Подпись к печати—4/Х-34 г.

Уполномоченный Главлита № В — 94821.

Финанс. тит. газ. «Правда», изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Сушевский вал, 49.

Составляет А9—220×333

Печатных листов 2.

Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Зак. № 719.

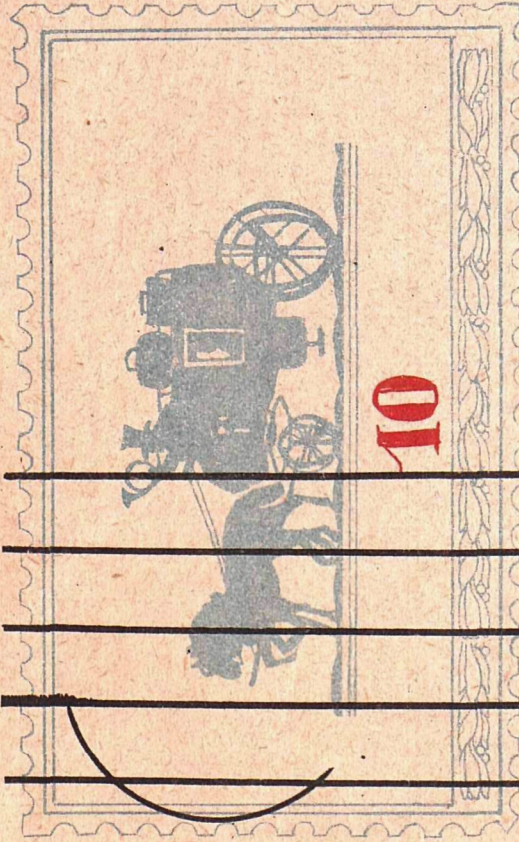
Тираж 300.000

Оформлено Л. Кубановского. Журнал набор и отпечатан в литейной типографии газ. «Правда». Фотомастер — П. Ягасов. Верстка под руководством Г. Жигеркина и В. Крылова. Мастера А. Федосеева. Заведующий печатн. отд. Дроженников.

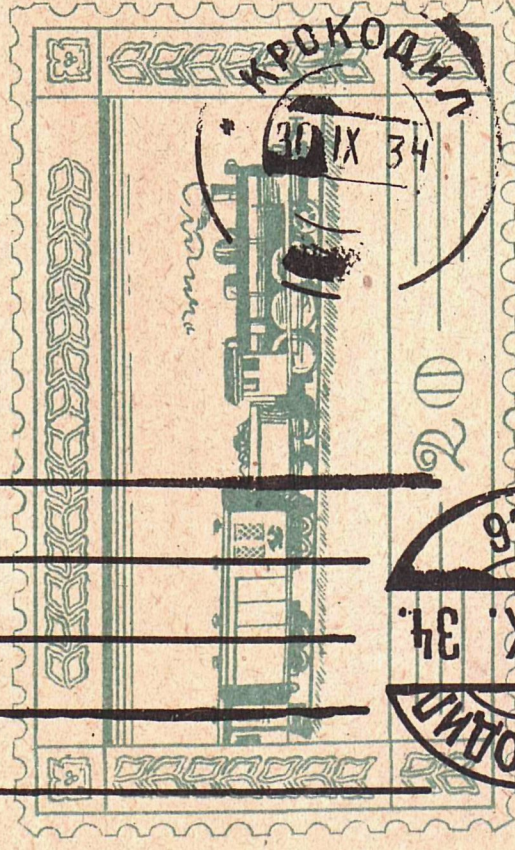
23 ОКТ 1934

ЧТО МЕНЯЕТСЯ И ЧТО НЕ МЕНЯЕТСЯ

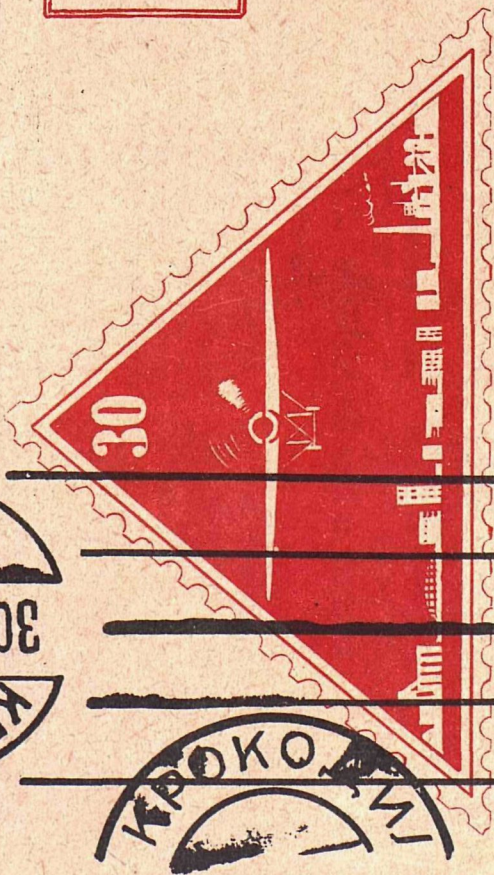
Рис. Л. Бродаты

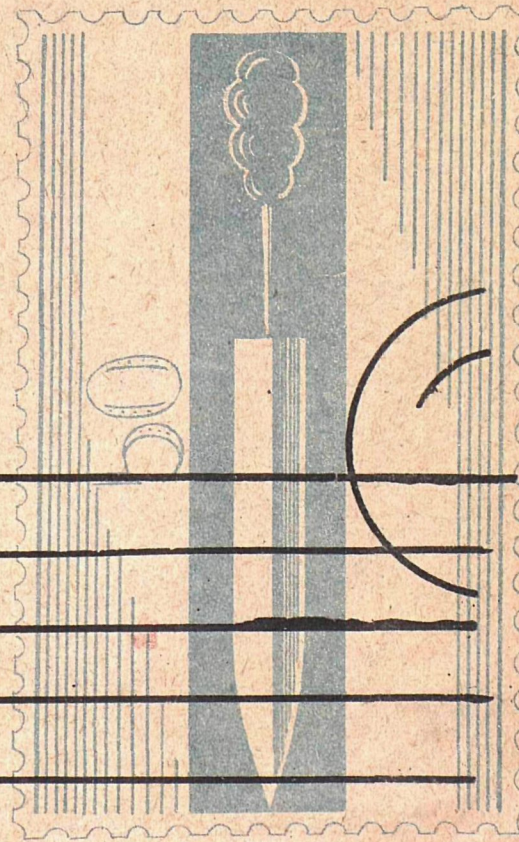
Когда-то почту возили на дилижансах...

Потом почту начали возить по железной дороге...

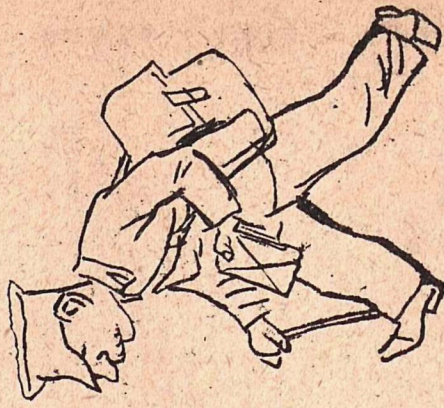
Начли перевозить почту на самолетах...

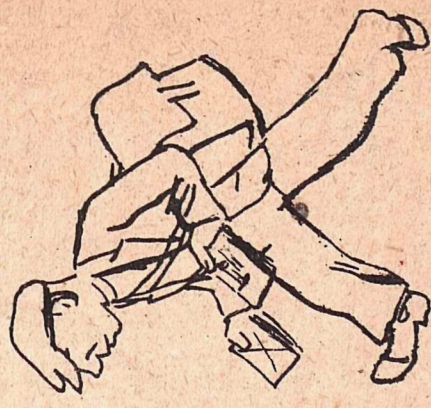
Вот уже скоро будут перевозить почту ракетным сообщением...

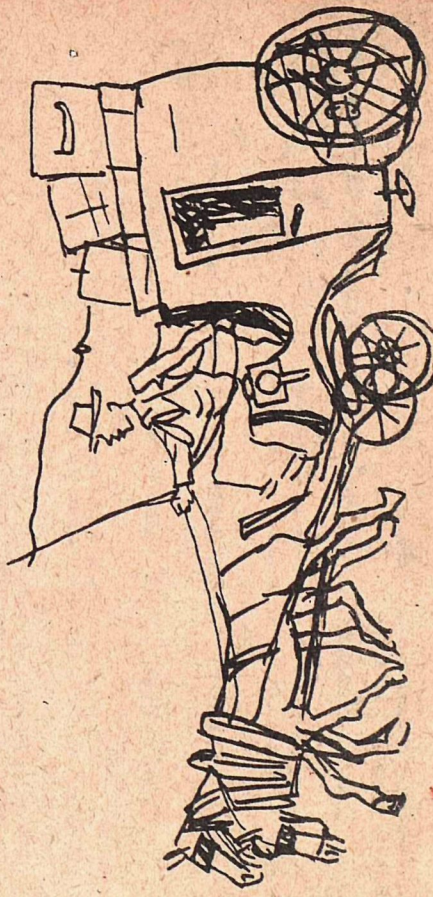
А почтальон ходил пешком.

А почтальон ходил пешком.

А почтальон ходил пешком.

И тогда, может быть, посадят почтальона на доисторическую колыхагу.